

СИЛА МОЛИТВЫ

*и другие
рассказы*

Сергей Комаров

Елена Дешко

Наталья Ячеистова

Александр Сегень

Мария Сараджишвили

Алексей Солоницын

Александр Богатырев

Владимир Щербинин

Сергей Щербakov

Юлия Кулакова

Леонид Гаркотин

Сборник
**«Сила молитвы»
и другие рассказы**

«Издательство Сретенского Монастыря»

2015-2022

УДК 821.161.1-322.2
ББК 84(2=411.2)6-444

Сборник

«Сила молитвы» и другие рассказы / Сборник — «Издательство Сретенского Монастыря», 2015-2022

ISBN 978-5-7533-1744-5

В обновленное, переработанное издание полюбившейся читателям книги вошли рассказы разных авторов – известных и неизвестных. Многообразны рассказанные ими жизненные истории, несхожи характеры героев, но все авторы ведут разговор с читателем о современной действительности без ложной назидательности, побуждая задуматься о своем месте в современном мире, о своей душе, о своих ближних. И главное – о необходимости и силе молитвы к Богу и Его святым. Для широкого круга читателей.

УДК 821.161.1-322.2

ББК 84(2=411.2)6-444

ISBN 978-5-7533-1744-5

© Сборник, 2015-2022

© Издательство Сретенского
Монастыря, 2015-2022

Содержание

Сергей Комаров	8
Почти детектив	8
Бой на дороге	12
Бес в московской квартире	14
Приглашение на казнь	21
Чудо произрастания волос	27
Одна неверная мысль – и человек повержен	29
Елена Дешко	32
Храм над прудом	32
«Никогда не поверю в такую фантазию!»	42
Долги наши	44
Наталья Ячеистова	52
Кувалда и молитва	52
Мудрый совет	57
Конец ознакомительного фрагмента.	59

«Сила молитвы» и другие рассказы

- © Комаров С.Н., 2022
- © Ячеистова Н.И., 2022
- © Дешко Е.И., 2022
- © Сегень А.Ю., 2015
- © Сараджишвили М.Г., 2015
- © Солоницын А.А., 2015
- © Богатырев А.В., 2015
- © Щербинин В.И., наследники, 2015
- © Щербаков С.А., 2015
- © Кулакова Ю.А., 2015
- © Гаркотин Л.Д., 2015, 2022
- © Сретенский монастырь, 2022

Сергей Комаров

Почти детектив

Над кронами деревьев уже давно нависал густой мрак, но внизу, посреди длинных сосновых стволов, было прозрачно-светло. Свет исходил от храмовых фонарей, которые, как многочисленные глаза огромного животного, глядели в парковую даль немигающим взглядом. На подходящего к храмовой площадке Женю они посмотрели одобрительно, скользнув по нему своими лучами. Еще бы, ведь пришел сторож, который будет охранять их ночное бдение, а утром аккуратно выключит все лампы, даруя им сон до наступления следующего вечера.

Сегодня четверг, а значит, очередь дежурства Жени. Он любил эти ночи, очень отличные от ночей обычных, мирских. Здесь, у храмовых стен, дышалось и жилось как-то по-другому. Тем более что церковь находилась в гуще большого парка, куда почти не долетали обычные городские звуки. Можно было наслаждаться тишиной, думать о сокровенном и слушать то, чего никогда не услышишь в панельных коробках городских квартир. Уши улавливали беготню белок по крыше вагончика, где обычно спал сторож, потрескивание старых стволов при порывах ветра, шорохи лесных ежей, и тысячи других звуков, давным-давно изгнанных из города.

Предвкушая драгоценные часы отдыха и размышлений, Женя подошел к калитке, нагнулся к замку и вдруг различил боковым зрением какое-то движение среди деревьев. Он тут же выпрямился и внимательно посмотрел в прозрачную тьму. Там кто-то был, в глубине зарослей. Женя выждал несколько секунд, вглядываясь. Да, кто-то сидит на табуретке, которую обычно оставляла неподалеку от калитки приходская нищая. Во время службы она просила, сидя на этой табуретке, а потом прятала ее между стволами.

– Добрый вечер, – неуверенно сказал Женя (наверно, со стороны это выглядело ужасно глупо). Сидящий повернулся лицом на голос.

– Добрый, – последовал ответ.

Теперь Женя смог рассмотреть человека. Очевидно, бомж. Нестарый. Даже, сказать прямо, парень лет тридцати пяти – сорока. Запущенный, грязный, классического вида бомж. С такими же классическими базарными сумками, набитыми всяким хламом. Сидит на табуретке и ковыряется в какой-то бумаге.

Женя смотрел и оценивал ситуацию. Безлюдный парк, время около полуночи. На храмовой территории он один сторож. Что собрался делать этот бомж, чего он ожидает – вот вопрос. В голову полезли разные варианты ответа, один другого хуже.

Может, стоит на шухере, а в храме уже хозяйничают дружки. Может, выжидает момент, когда возле храма уже точно никого не будет или когда сторож (т. е. Женя) заснет. А может, он вообще маньяк или сумасшедший. Или наводчик. Или сатанист.

Бездомный нарушил молчание.

– Воды не дадите? – прохрипел он характерным тембром.

«Вот, он хочет, чтоб я подошел, – подумал Женя. – Подойду – ножиком меня порешит, ключ от калитки заберет, храм ограбит. Никто и не узнает – до утра здесь никого не будет. А я – умру в луже собственной крови. Так или иначе, но подходить нельзя».

– Нет воды, – отрезал Женя. Он быстро открыл калитку, зашел за ограду, вновь закрыл. Бродяга крикнул ему в спину:

– Я с Херсона пешком пришел, тебе воды жалко?

Женя ничего не ответил и прошел к своему вагончику.

«Да, непонятно ничего. Что за человек, как и для чего здесь оказался? Вот и наблюдай теперь за ним всю ночь, чтоб ничего не вышло. Очевидно, он хочет выманить за ограду и там

накрыть чем-то тяжелым. Или начнет проситься переночевать. Ну да – положи его, а он тебя ночью зарежет. Сколько таких историй...»

Походив по вагончику туда и сюда, Женя скоро утвердил план. Собственно говоря, он решил делать все обычным порядком: ходить по территории, возвращаться в вагончик и спать, потом снова выглядывать. И не упускать из поля зрения сидящего на стульчике. Вот и все. Была еще мысль демонстративно пофланировать вдоль забора со старым духовым ружьем, которое стояло в углу вагончика. Но Женя решил не усугублять ситуацию.

Вечерняя молитва тоже входила в намеченный план. Да, действительно, надо помолиться. Попросить Бога оградить от искушения, от врагов видимых и невидимых. Женя взял молитвослов и пошел в храм. По дороге от вагончика к храмовой двери скосил глаза на бомжа. Тот сидел в изначальной позе и все так же ковырялся в газетах. Зайдя в храм, Женя зажег лампаду и начал читать молитвы. Но вечернее правило как-то не ладилось. Ночной сторож вспомнил, что вообще-то он христианин, а у него уже полчаса как попросили воды. Как знать, может бомж и не маньяк вовсе и действительно воды хочет.

«Если он меня прихлопнет, буду мучеником, а если нет, исполню свой христианский долг и напою ближнего чашей холодной воды».

Такая логика понравилась Жене, и он решился. Отложив молитвослов, он набрал стакан воды и направился к выходу. Бродяга уставился на него. Чувствуя, как подрагивают колени, Женя открыл калитку и сделал шаг в лесную тень. Бомж поднялся навстречу. На негнущихся ногах Женя подошел к нему и, протянув стакан с водой, сказал:

– Пей.

Нищий жадно начал пить. Женя перевел дух.

– Ты что, правда с Херсона пешком? – спросил он.

– Правда, – ответил незнакомец.

Он уже осушил стакан и теперь вытирал запекшиеся губы, отдуваясь.

– Так что же, здесь и ночевать будешь?

– Здесь и буду. Завтра в Лавру хочу пойти. А можно еще воды? – попросил бомж, протягивая стакан.

Женя стоял в замешательстве. Ему было странно, что его никто еще не зарезал, лес не огласился криком невинной жертвы, земля не обагрилась мученической кровью... Взяв стакан, он пошел за добавкой. Мысли теснились разные. Ладно, он пока меня не тронул. Просто не был готов, может быть. Попросил вот еще воды, а теперь приготовится, нож достанет...

Женя зашел в вагончик, отрезал полхлеба, набрал литровую банку воды. Снова вышел за ограду.

- Вот, держи. На всю ночь хватит.
- Грязные руки приняли хлеб и банку.
- Как тебя зовут? – зачем-то спросил Женя.
- Дмитрий, – ответил бродяга.

Женя постоял немного, не зная, продолжать ли разговор.

- Помощи Божьей, Дмитрий, – сказал он, ужасаясь фальши своей интонации.

Вернувшись в храм, он дочитал правило, походил по территории и пошел спать. Глянул в парк – Дмитрий продолжал сидеть в той же позе, по-видимому, засыпая. Сторож зашел в вагончик, подкинул дров в печку и лег на кровать. Было тепло и уютно. Женя лежал и думал.

«Пустить бомжа нельзя – на это и настоятель не благословит (да и поздно было звонить ему). Пусть даже Дмитрий действительно с Херсона пешком, но человек он неизвестный, и кто знает, чего ожидать от него. Возьмет и задушит ночью – а что, мало случаев? Нет, пустить невозможно. А что, в таком случае, делать? Скорее всего, ничего».

Женя перевернулся на другой бок. Кажется, начинался дождь. Нет, не дождь, но уже целый ливень. За какие-то считанные минуты лесная тишина наполнилась звуками стремительно падающих крупных капель, тарабанивших по крыше вагончика. Весь парк зашуршал, зашумел, затрещал. Прятались по дуплам белки, зарывались под прошлогодние листья мыши, птицы просыпались и лениво перелетали на более безопасную территорию. Еще несколько минут – и по сточной трубе вагончика потекли ручьи небесной влаги.

Но Женя уже не мог слышать этого. Он спал, убаюканный шелестом дождя, разомлевший от теплоты печи. А дождь шел и шел, и парк омывался холодным душем, коченея и вздрагивая всеми своими ветками, стволами, сосновыми кронами...

Женя проснулся рано. Прежде чем открыть глаза, он понял, что нарушил все правила ночного дозора: ни разу не проснулся, вокруг храма не ходил, территорию не осматривал. Бомж! Господи, так ведь он мог тысячу раз ограбить храм, а я спал! Сторож вскочил и, накинув теплую куртку, выбежал наружу.

Улица встретила его всем великолепием паркового утра после дождливой ночи. Крупная роса, как жемчужное ожерелье, опутывала всякую веточку, листик, травинку. Восходящее солнце рассыпалось в миллионах своих отражений, все это сверкало, играло, пело.

Все замки и запоры оказались целы, калитка все так же была закрыта. Бомж Дмитрий, всю ночь просидевший под холодным дождем, спал на своем стульчике, опустив голову. Рядом с ним стояла полная до краев банка с водой, а рядом с ней – расплзшиеся от ливня газеты. Единственными свидетелями того, сделал ли он что-либо запретное ночью, были все еще горячие храмовые прожекторы, которые уже давно пора было выключать.

Бой на дороге

Воскресное летнее утро выдалось прекрасным. Виктор вышел из дома, когда ночная прохлада уже была растворена теплыми лучами медленно подымающегося солнца. Мужчина полной грудью вдохнул свежий загородный воздух, пропитанный запахами леса, почувствовал бодрость и прилив сил. Он собирался на литургию, и мысль о предстоящей службе добавляла ему радости и энергии.

Виктор перекрестился, сел в машину и через десять минут был уже на трассе. При въезде в город пришлось немного постоять в небольших пробках (для столицы пробки в воскресное утро совсем не новость). Вот, кажется, и последняя «тянучка» – как правило, дальше дорога не бывает загружена. Виктор встал в средний ряд и неторопливо двигался вперед вместе с колонной автомобилей справа и слева.

Вдруг с левого ряда отделился дутый «Ниссан» и резко перестроился в среднюю полосу, прямо перед машиной Виктора. Это произошло так неожиданно, что Виктор машинально дернул руль в противоположную сторону. Каким-то чудом аварии все же не случилось – «Ниссан» разместился впереди, а машина Виктора лишь слегка зацепила боковое зеркало соседней «Мазды», не причинив никакого вреда.

Виктор облегченно вздохнул. Однако история не закончилась. Из «Мазды» высунулась лысая голова, а за ней и рука, показывающая: опусти окно. Виктор приоткрыл окно до половины, уже предчувствуя, что будет. Так и вышло: на него обрушился целый шквал матерщины. Ругань продолжалась с минуту, Виктор молча слушал. Из сотни выкрикнутых слов приличным было только одно: «очкарик».

Это почему-то кольнуло его больше всего. Мало того, что он был совершенно невиновен и водитель «Мазды» не мог этого не видеть. Мало того, что Виктор никогда в жизни никому не позволял себя оскорблять и вообще ненавидел мат, который теперь лили на него как из ведра. Но его к тому же называли обидным с детства словом, за которое он еще в школьные времена сразу лез в драку.

А драться, надо сказать, наш герой умел. Виктор отдал этому искусству пятнадцать лет своей жизни, посещая секцию боевого самбо. Знал, как действовать не только с одним, но и с несколькими противниками, умел обезвредить вооруженного ножом, владел разными техниками уличного боя. Мужчина любил спорт, был в отличной физической форме и проигрывать в спарринге не привык.

Нет, этого так нельзя оставить. Виктор закусил губу, напрягся и весь превратился в охотника. Пробка закончилась, «Мазда» выехала на одну из центральных улиц – Виктор погнался за ней. В удобном месте он пошел на обгон, резко подрезал обидчика и заставил затормозить. Две машины остановились.

Именно таких условий для дальнейшего разговора Виктор и желал.

Первым выпрыгнул обозленный водитель с лысой головой. Очевидно, он был один. Размахивая руками, он с удвоенной энергией продолжал орать матерные слова. Однако, по мере того как Виктор вылезал из автомобиля и перед взглядом врага обозначались его рост и мускулатура, крики становились все тише. Когда же наш мститель начал спортивным шагом приближаться к лысому, тот понял, что ситуация явно не в его пользу, и окончательно умолк.

Виктор шел бить, и притом жестоко. Чувство близости отмщения разлилось по телу приятной бодростью. Он с наслаждением выбирал: ударить так, чтобы человек сразу упал, или же сломать в нем что-то, а потом уложить на землю. Хотелось и того и другого сразу. Хотелось раздавить эту наглость, это хамство, хотелось увидеть ужас в глазах нарушителя нормальных человеческих порядков. И он уже видел этот ужас, видел издалека, и ему сладко было, что дорожный сквернослов и оскорбитель так быстро превратился в дрожащую тварь.

Лысый человек, по всей видимости, сопротивляться даже не думал. Его сковал страх. Он ведь тоже увидел глаза Виктора и прочитал в них приговор. Внушительный рост и развитая мускулатура самбиста со стажем говорили сами за себя и не оставляли никаких шансов. Лысый просто безвольно стоял и смотрел.

И вдруг что-то произошло. Нет, никто не бросился на помощь, и не закричал. И рядом не остановилась полицейская машина. И солнечного затмения в этот день тоже не было. Вокруг все осталось прежним. Мир не изменился – но что-то случилось с Виктором.

Трудно объяснить, что именно. Может быть, он вспомнил, куда ехал. Может, пришло на память, что он христианин. А может, очень похожим оказался этот лысый на одного из прихожан монастырского храма, куда как раз Виктор и направлялся. В общем, тайну сердца человеческого не перескажешь. Мы знаем только факты. А факт получился следующий. Подлетев к испуганному обидчику, Виктор на мгновение остановился как вкопанный и вдруг спокойно сказал: «Я хочу извиниться перед вами. Простите, я был неправ».

Наверное, гораздо меньшим шоком для лысого стал бы удар в лицо, чем эти слова. Еще не веря своему счастью, он задвигал ртом, сясь что-то произнести, и с трудом выдал: «Ппростите и ммменя, я тоже ппоступил неправильно». И протянул дрожащую руку в ответ.

* * *

Продолжая путь к монастырю, Виктор пытался проанализировать случившееся. Состояние шока еще не покинуло его, и думать связно не получалось. Но одну вещь, пожалуй, он хорошо осознал. Бой на дороге состоялся. Он был очень тяжелым, но закончился победой. Она оказалась самой важной из всех, которые он одерживал до сих пор, – потому что это была победа над самим собой. И еще: победил вовсе не Виктор, а Тот, к Кому он тогда ехал и Кто был рядом с ним.

Впрочем, последнее Виктор смог понять много-много позже...

Бес в московской квартире

«Какая чистота! Ну и Соня, ну и умничка!» – так подумалось Валентине Петровне, когда она зашла к себе домой.

Валентина Петровна жила одна. Муж уже лет пятнадцать как умер, дети разъехались по другим городам. Женщина коротала свои пенсионные дни в небольшой московской квартире. Лишь иногда она прерывала вынужденное одиночество: встречалась с родственниками и старыми подругами или же сидела на лавочке возле подъезда, обмениваясь приветствиями с проходящими мимо соседями.

Самыми радостными моментами для нее были поездки к детям. Раз в полгода Валентина Петровна улетала к дочери в Питер или к сыну в Кемерово. Там она проводила месяц, занимаясь внуками. За квартирой в это время присматривала ее племянница Соня.

Сегодня Валентина Петровна как раз возвратилась из Северной столицы. Какой же порядок ждал ее! Полы и окна вымыты, ковры вычищены, в ванной все блестит. Ни пылинки, ни соринки – идеальная чистота! Даже запах в квартире был какой-то особенно приятный.

Племянница любила тетку и обожала делать ей такие подарки. Валентина Петровна отвечала взаимностью – зазывала в гости, пекла ей пироги, часто звонила, поздравляла со всеми праздниками.

Когда Валентина Петровна зашла в квартиру, затащив за собой дорожный чемодан, был уже вечер. Шум за окном постепенно затихал. Последний солнечный луч скользнул по комнатам, дышащим свежестью, и исчез за горизонтом.

Уставшая от дороги путешественница переодевалась, раскладывала вещи, ужинала, больше всего мечтая заснуть после трудного дня. Вместе с ней и Москва успокаивалась, готовилась ко сну. Подобно многоглазому зверю, понемногу засыпающему и закрывающему поочередно свои светящиеся очи, столица один за одним тушила свои глаза-окна и погружалась в дрему. Наконец легла и Валентина Петровна.

Ночью женщина проснулась от какого-то странного звука. Кажется, это был... чих. «Покажется же такое, – подумала Валентина Петровна, – кому чихать в пустой квартире?» Повернувшись на другой бок, она заснула.

Проснулась женщина рано, когда субботнее утро еще сменяло свои одежды с серых тонов на светлые. Она лежала с закрытыми глазами, греясь в уютной постели, и думала о внуках, с которыми вчера рассталась, о детях, о милой Соне, о планах на ближайшие дни... И вдруг явственно услышала громкий чих.

Да, теперь уже не было никаких сомнений – чихали в квартире, в какой-то из соседних комнат. Может быть, в гостиной, а может, в ванной, или на кухне, или в прихожей. Но несомненно, здесь, в жилище Валентины Петровны. Не у соседей, не на улице, не в подъезде. Чихали в комнатах, буквально в нескольких шагах.

Валентина Петровна вообще-то была не робкого десятка. Возвращаясь из гостей, могла в одиночку пройти по ночным московским улицам, нисколько не боясь. До ухода на пенсию часто несла круглосуточное дежурство в больнице, которая располагалась в глухом районе города. Довелось работать и при морге. Но здесь она почувствовала, как ее бросило в жар и дыхание перехватило. Да, Валентина Петровна не боялась людей и трудных обстоятельств. Но вот что касается аномальных явлений – здесь ее смелость заканчивалась. Пенсионерка боялась того, природу чего она не понимала.

У нее дрожали руки и колотился пульс. Усилием воли хозяйка заставила себя встать с постели. На негнущихся ногах она вступила в прихожую, прошла в гостиную, проверила ванную. Никого не было.

Женщина присела на кровать и напряженно стала прислушиваться. В доме стояла гробовая тишина. Город еще не проснулся. Только ветер посвистывал через невидимые щели дверей и окон, исполняя какую-то причудливую симфонию. Никаких особых звуков. Просто тишина. И в этой тишине Валентина Петровна вдруг почувствовала жуткий, животный страх. Впервые в жизни ей стало страшно в собственной квартире.

А может, все-таки показалось? Может, звуковая галлюцинация? Как-то все это странно. Почему раньше не было ничего такого, а теперь вдруг?.. Ну, раз-два послышалось что-то и больше не будет слышаться. Вполне вероятно, что это просто усталость. Или, например, просто звуки старого дома. Мало ли что там шуршит, между этими каменными блоками. Вот и показалось, что кто-то чихал.

Валентина Петровна принудила себя встать, одеться и начать свой обычный день. Солнце помогало ей в этом – день разгорался яркий, светлый. Уже через час Валентина Петровна, несколько успокоившись, завтракала любимым омлетом под звуки утреннего радио. Все происшедшее казалось каким-то наваждением.

«Да, да. Просто показалось. Наверное, это и есть старость, да. А вообще стоит сходить к лору, уши посмотреть. Может, это просто в ушах шум и их специально почистить стоит», – размышляла Валентина Петровна, допивая чай.

Затем она поливала цветы, договаривалась с парикмахером о встрече, звонила Соне и детям, смотрела телевизор. Перед обедом решила выйти в магазин. Одевшись, Валентина Петровна уже взялась за ручку двери, как вдруг за ее спиной раздалось ясное и четкое: «Пчххххххх!!!» Валентина Петровна вскрикнула от неожиданности, отдернула руку от дверной ручки, и, резко обернувшись, упала спиной на дверь. Перед собой она никого не увидела.

Сердце женщины выпрыгивало из груди, в голове ударами пульсировала кровь, в глазах помутнело. Она рванула дверь, выскочила в подъезд, трясущимися руками закрыла дверь и быстрым шагом вышла на улицу. Но шла она уже не в магазин. Пенсионерка направлялась в церковь.

Спросите: верила ли в Бога Валентина Петровна? Верила. Время от времени она ходила в храм, по большим праздникам причащалась. Дома частенько молилась. Немного знала Новый Завет, кое-что читала из православной литературы. Не то чтоб она была такой уж ревностной прихожанкой и прямо жила религией. Нет. Но Церковь признавала и Бога по-своему любила.

В Бога она веровала, а следовательно, признавала и существование нечистой силы. С бесовскими кознями Валентина Петровна раньше не сталкивалась, только читала про них в церковных книгах. И ее мысль, судорожно искавшая объяснения странному звуку в квартире, привела лишь к одной догадке: в доме поселился бес! И чем дольше Валентина Петровна думала об этом, тем сильнее догадка укреплялась в ней.

Испуганная женщина шла к знакомому священнику, который служил в храме по соседству. Отца Алексея она знала давно. Лет ему было приблизительно столько же, сколько и ей. Женщина частенько спрашивала батюшку, как быть в той или иной ситуации. Но с таким вопросом, как сегодня, она еще не приходила. «Батюшка, как выгнать беса из квартиры?..» Валентине Петровне не верилось, что она сейчас будет произносить эти слова. Она шла словно в каком-то сне.

Женщине повезло – ее батюшка как раз дежурил. Они присели на скамеечку в храме. Священник выслушал все, сочувственно кивая головой.

– Ну что ж, Петровна, Господь попустил. Вы помолитесь сегодня хорошенько, придите на всенощную, по-серьезному исповедуйтесь и завтра причаститесь. В каких-то грехах, очевидно, вам нужно покаяться, это уж вам лучше знать. Есть у вас какая-то духовная проблема, значит... И давайте еще завтра я зайду после службы, квартиру освятим.

Также батюшка дал ей книги «Защити свой дом от зла», листочек с 90-м псалмом, святую воду и сухарики, освященные на мощах преподобного Серафима Саровского. Иконы у Валентины Петровны были.

Домой женщина возвращалась в воинственном настроении, хотя страх и не проходил. «Посмотрим, как ты теперь почихаешь», – сказала она, зайдя в квартиру.

Первым делом она выпила немного святой воды и побрызгала ею все углы комнат. Освященные сухарики положила у икон. Прочитала 90-й псалом.

Время до вечера она посвятила тому, что выписывала из книжки «В помощь кающемуся» разнообразные грехи, в которых признавала себя виновной. За это время был один чих, на который Валентина Петровна отреагировала стоически, сжав зубы и стараясь не смотреть в ту сторону, откуда чихали. «Посмотрим еще, посмотрим, кто кого», – говорила она, вписывая в блокнот грех «мшелоимство».

На всенощной она исповедалась по длинному списку грехов, который составила днем. Придя домой, легко поужинала. Валентина Петровна понимала, что ей предстоит нелегкая ночь, и, откровенно говоря, сильно боялась. Впервые в жизни она вступала в схватку с нечистой силой.

Ее беспокоила одна мысль, на которую ответ пока не находился. Она начала об этом думать с самого начала всей истории. Вопрос был простой и логичный: «Откуда в доме завелся бес?»

Если появление беса связано с грехом, как объяснил ей батюшка, то что это за грех? Последние лет десять Валентина Петровна жила самой обычной жизнью московской пенсионерки. Ну, бывало (кто не грешен?), что ссорилась по мелочам с родными, или переела, или на праздник ленилась в церковь пойти. Но смертных грехов она точно не делала.

А может, в квартире кто-то совершил какой-нибудь грех? Допустим, в ее отсутствие. В воображении Валентины Петровны сразу возник образ любимой Сони. Нет... Не может быть... Чтоб Соня... Да и как она могла бы согрешить в квартире Валентины Петровны?

Хотя... Валентина Петровна вспомнила, что Соня уже давно встречается с каким-то парнем, который, как рассказывала Соня, живет в одном доме с мамой. И Соня ютится в маленькой однокомнатной квартирке с родителями. Следовательно, им негде... кхм... оставаться наедине. А тут – пустая квартира... Как раз...

Нет. Нет! Нет и нет!!! Чтоб Соня... Она не такой человек, нет.

«Ну и что, что хороший человек. Как будто хорошие люди не грешат? Вспомни себя в молодости. Вот, кстати, она и убрала так красиво, потому что ее совесть мучила, ну и чтоб все следы замести».

Так сказала себе Валентина Петровна – и тут же ужаснулась своим мыслям. Покраснев, она встала и начала ходить по комнате. «О, какая мука! Неужели?... Но ведь действительно, кроме Сони никто сюда не заходил. И чих появился именно после этой поездки. Батюшка сказал, что дьявола притягивает грех. А кто мог совершить такой серьезный грех в моем доме?»

Словно ответ, в вечерней тишине прозвучал резкий чих. Валентина Петровна вздрогнула и присела на кровать, вглядываясь в полумрак прихожей. А затем тихо заплакала. Психологическое напряжение уходящего дня, страх перед бесовской силой, ужасное подозрение – все это вылилось в неуправляемые потоки слез.

Спала (или, точнее, пыталась спать) Валентина Петровна при включенном свете. Чих ночью повторился два раза. Пенсионерка лишь молча вздрагивала, возводила глаза к иконам и молилась про себя.

Как только за окном начало сереть, измученная женщина встала, оделась и принялась читать молитвенное правило. Ей хотелось побыстрее выйти из квартиры, в которой теперь было страшно оставаться. И она очень надеялась, что все средства, прописанные священником, сработают.

На службе страдалница со слезами причастилась. Долго стояла перед иконой святого Георгия Победоносца, прося его отогнать все искушения бесовские. Церковное пение, запах ладана, тепло от свечей умиротворяюще подействовали на Валентину Петровну. Ей стало гораздо лучше, она почувствовала надежду. Ей вообще всегда было хорошо в храме, сколько она себя помнила.

Женщина немного подождала батюшку. Наконец они вместе отправились освящать квартиру.

Во время «Чина благословения жилища» Валентина Петровна внимательно слушала, что читает и поет священник. Очень радостно было ей слышать слова: «и на прогнание всякия сопротивныя силы и сатанинских наветов». Ей казалось, что при каждом слове батюшки вся нечистая сила отступает от ее дома все дальше и дальше. Отец Алексей и сам воодушевился, почувствовав себя духовным воином, смиренным проводником силы Божией.

После молитвы они попили чая.

– Думаю, у вас теперь все будет хорошо, Валентина Петровна, – говорил отец Алексей, обмакивая оладушек в клубничное варенье. – Вы исповедались, причастились. Квартирку мы освятили. Что еще... Просфорки каждое утро вкушайте, святой водой запивайте. Воскресные службы не пропускайте. 90-й псалом чтоб каждый день. Молитесь почаще. Зажигайте лампадочку перед иконкой. Хорошо бы святыньку какую-то дома иметь. Купите себе маслице, освященное на мошах, у нас в храме продается. А еще шапочку вам дам от мощей преподобного Марка Гробокопателя, мне привезли недавно. Ладан иногда воскуряйте перед иконами. Евангелие можно вслух читать на церковнославянском. Будете все делать – никакой бес не подойдет!

– Ох, батюшка, и не знаю, как вас благодарить-то!

– Да что там, Бога благодарите. Что мы? Только Его послушники. Все сила Божия делает.

Благодушно улыбаясь, священник протянул руку к тарелке с оладьями. И вдруг – тишину пререзал сдавленный чих.

Отец Алексей так и застыл с протянутой рукой. Валентина Петровна ойкнула и закрыла лицо руками. На несколько секунд время вроде как остановилось. В эту паузу не просачивались ни звуки, ни движения. Наконец немая сцена разрешилась всхлипываниями Валентины Петровны, переходящими в громкий плач.

Отец Алексей побледнел. С опаской оглядевшись, он начал с кряхтением выбираться из-за стола.

– Ох, матушка, дело тут серьезное у вас. Вы знаете, что... Вы обратитесь к старцу. Я вам потом номер дам... Есть один в Подмоскovie, прозорливец, говорят... А я уж, видите... Все, что мог... Уж простите... У меня еще крещение сегодня, надо бежать.

– Бааа-тю-ю-шкааа!!!

– Ну, ну, ничего... Господь милостив... Все уляжется... Поедете к старцу... Мы – что мы? Немошныя... Есть подвижники, помогут...

Смущенный священник выбрался наконец из-за стола. Плачущая женщина проводила его в прихожую. Батюшка оделся и, бормоча извинения и что-то вроде «90-й псалом не забывайте», вышел. Валентина Петровна осталась одна.

Что делать? Все принимало серьезный оборот. Жить в такой квартире Валентина Петровна не могла. Батюшка беса не изгнал, а с бесом жить разве можно? Да, видно, серьезный грех тут случился. Позвонить Соне, спросить? И что ей сказать? О Господи, помилуй!!!

Валентина Петровна в изнеможении опустила на кровать. Вся радость воскресного дня, все удовольствие от посещения храма покинули ее. Оставались только усталость, страх, горечь и непонимание того, что делать дальше. Да уж, видать, придется ехать к старцу.

«Вот он пока чихает, этот бес... Пугает меня. А завтра что же? Может, душить ночью начнет или возьмет и явится в каком-то страшном образе. У меня ж сердце слабое, я ведь не выдержу. Ууууу!!!!!»

Снова навернулись слезы. Ей было ужасно жалко себя. Всхлипывая, Валентина Петровна прилегла и незаметно заснула. Усталость и нервное потрясение дали о себе знать. Проснувшись через два часа, Валентина Петровна встала и пошла умываться. План у нее составилась такой: а) поехать к старцу; б) пожить какое-то время у сестры.

Ситуация сильно придавила женщину. За эти два дня она заметно постарела. На лице появилось ощущение постоянного мучения, в глазах – страх и боль. Все это она увидела в своем собственном отражении в зеркале. Ей даже показалось, что и без того седые волосы стали еще белее, морщины еще глубже, кожа еще дряблее. Очень не хотелось переезжать. Душили нехорошие мысли насчет Сони... Ох, как тяжело!

Зайдя в ванную, женщина умылась и долго вытиралась махровым полотенцем. Внезапно в отражении зеркала перед ней мелькнул какой-то незнакомый предмет. Какой-то овальный, бежевого цвета.

Валентина Петровна обернулась и взглянула на него. Действительно, этой вещи раньше в квартире не было. Стоит на стиральной машине. Похож на маленькую космическую ракету или на большой тупоконечный огурец. Посредине отверстие. Что это такое?

Валентина Петровна осторожно взяла предмет в руки, повертела, затем всмотрелась в дырочку посредине. И вдруг огурец громко, издевательски, с придыханием чихнул ей прямо в лицо.

Женщина закричала и бросила огурец на стиральную машину. В воздухе запахло чем-то сладким. Валентина Петровна во все глаза смотрела на таинственный огурец, одной рукой схватившись за грудь, где бешено колотилось пугливое сердце. Да что же это такое? Что за штука? Ее не было в квартире раньше? Соня!!! Это она принесла!

Валентина Петровна дрожащими пальцами набрала Сонин номер.

– Сонечка, здравствуй.

– Привет, тетя!

Валентина Петровна заговорила очень быстро.

– Скажи, пожалуйста, ты не знаешь, что за штука такая в ванной, на стиральной машине стоит. Такая длинная... бежевого цвета... Она... чихает...

– Аха-ха! Чихает, да. Прости, я забыла тебе сказать. Я тебе освежитель воздуха купила. Он сам пшикает время от времени. Поддерживает приятную атмосферу дома.

Валентина Петровна молчала. На нее словно напало какое-то отупение. Она переводила взгляд с огурца на зеркало, в котором видела себя – заплаканную, несчастную, с растрепанными волосами...

– Освежитель... воздуха?..

– Ну да, освежитель. Он на батарейках работает. Как он тебе? Приятно пахнет?

– Да... приятно...

– Ну хорошо. Я тебе потом батарейки для него запасные принесу. Ладно, пока, тетя. Занята немножко, у меня встреча. На неделе после работы как-нибудь забегу, посидим.

– Пока...

Валентина Петровна стояла в ванной с телефоном в руках и смотрела на «беса». Затем она улыбнулась, затем усмехнулась – и начала хохотать. Смех смешался с плачем, она и плакала, и смеялась, и смеялась, и плакала... Потом она долго рассматривала своего мучителя, на борьбу с которым она приводила домой священника.

Ах да, священник! Надо же сообщить ему! Валентина Петровна позвонила отцу Алексею и, смеясь, поведала ему про огурец. Смеялись долго оба. Потом священник сказал:

– Вы знаете, а я ведь старцу звонил насчет беса-то. Спрашивал, что делать. Вишь, беспокоюсь за тебя.

– Ах! И что старец?

– Да ничего толком не сказал. Только Библию процитировал. Между нами говоря, Петровна, я, конечно, старцев уважаю – но как-то оно было, знаете... как будто бы я Библии не читал и в семинарии не учился. Библию и я могу цитировать, хоть я и не старец.

– А что процитировал-то?

– Из послания апостола Петра. *Трезвитесь, бодрствуйте, потому что противник ваш диавол ходит, как рыкающий лев, ища, кого поглотить. Противостойте ему твердою верою* (1 Пет. 5, 8–9)

– А, ну понятно. Батюшка, спасибо вам! И простите, что столько хлопот причинила.

– Да ничего. Слава Богу, что все уладилось. Каков бес-то, хе-хе! Сколько живу, а таких случаев еще не было. Ха-ха!

Собеседники снова посмеялись и попрощались наконец. Валентина Петровна, чувствуя себя абсолютно счастливым человеком, пошла готовить ужин. Ей теперь даже хотелось снова услышать «бесовский чих» и посмотреть, как она отреагирует на этот звук, зная его происхождение.

Любимая квартира снова стала для нее уютной. Ей даже показалось, когда она проходила мимо зеркала, что морщины на лице как-то разгладились. Запах из ванной доносился действительно приятный (а она-то удивлялась, откуда благоухание в квартире!) «Ну бывает же такое в жизни, – думалось пенсионерке. – Ох и Соня, проказница!»

Кстати, да – Соня! Нужно пригласить ее на чай и рассказать про «беса»! Валентина Петровна снова позвонила племяннице. Договорились встретиться завтра. Теперь надо было ставить опару для теста, решить насчет начинки для пирогов, продумать другие угощения к чаю... Пенсионерка погрузилась в привычные кухонные хлопоты. В ванной раздался знакомый чих. Валентина Петровна улыбнулась и стала доставать из морозилки ягоды для пирога.

Приглашение на казнь

Отец Николай сильно задерживался. Договорено было на семь тридцать, часы показывали девять, а его все не было. Сколько можно ждать? Дима ходил вокруг автобусной остановки кругами и злился.

Отец Николай и Дима встречались раз-два в месяц здесь, на конечной остановке метро, и отсюда ехали за город, в колонию. В тюремном храме Дима исполнял функцию клироса и проводил катехизаторское занятие. Отец Николай служил литургию, исповедовал, говорил проповедь.

Батюшка частенько задерживался, но так, как сегодня, – никогда. Проблема была даже не в том, что Дима устал ждать и замерз, а в том, что ехать надо было именно в тюрьму. И не просто в тюрьму, а в колонию строгого режима.

Там парни постыятся, ждут службы с раннего утра. Дима обещал им быть в восемь тридцать, а уже начало десятого. Давать обещания и не исполнять – это всегда и везде нехорошо, а в тюрьме и подавно. Такие опоздания проповедникам авторитета точно не прибавят...

Ну наконец-то! В веренице машин, тянувшихся по трассе, Дима различил синий «Ниссан» отца Николая. Батюшка свернул в «карман» возле остановки, Дима запрыгнул в машину. Холодно поздоровавшись, он уже набрал в легкие воздуха, чтобы произнести что-то вроде: «Батюшка, ты знаешь, в некоторых случаях христианство начинается с “прийти вовремя”». Дима с отцом Николаем дружил с незапамятных времен, так что в некотором смысле имел право на такие пассажи.

Однако, посмотрев на священника, Дима осекся. Батюшка был очень бледен и как бы сам не свой. Дима выдохнул «обличительный» воздух и стал ждать. Отец Николай заговорил первый.

– Димон, я только что человека побил.

Ого! Такого Дима совсем не ожидал. Согласитесь, не каждый день услышишь от священника подобные откровения. Отец Николай продолжал:

– Читаю я молитвенное правило. Пять утра. Случайно глянул через окно во двор – смотрю, возле моей машины какой-то человек стоит, в замке ковыряется. Сбегаю вниз – а он уже внутри, пытается завести мотор! Говорю: «Выйдите из машины». Он не реагирует. Я стал его вытаскивать, он попытался сопротивляться. Ну и...

Надо сказать, отец Николай был в отличной физической форме, ходил на греко-римскую борьбу, любил поколотить боксерскую грушу и ежедневно качал свои и без того рельефные мышцы. Он уже давно поборол всех приходских пономарей и даже покушался на любительскую схватку с настоятелем.

– ...Ну и, в общем, побил я его. Знаешь, одно дело, когда ты на груше тренируешься, а совсем другое – когда живой человек. Увлёкся я, понимаешь...

Приемы разные отработал на нем. Когда опомнился, гляжу, а парень то весь в крови и синяках. Он вообще странный какой-то, честно говоря. Сначала немного сопротивлялся, а потом уже нет. Я бил, а он просто молчал.

– И что дальше?

– Ну что. Отпустил я его. Он кое-как поднялся и ушел. Еле ноги волочил. А я сел и думаю: как же теперь литургию служить-то? Пришел домой, рассказал матушке. Знаешь, что она выдала?

– Что?

– Говорит: «А вдруг это был Сам Христос?»

– Да ладно. Христос машины не угоняет.

Отец Николай шумно вздохнул и замолчал.

Дима тоже не нашелся, что сказать еще. Случай действительно был непростой. Согласно церковным канонам, священник не имеет права драться и проливать кровь. Тем более перед литургией, к которой христиане вообще-то готовятся постом, молитвой и примирением с ближними. Получается, батюшке нельзя сейчас служить, после всего происшедшего.

Но вот уже полдесятого, и их ждут в тюрьме люди, для которых литургия – это действительно праздник, причем долгожданный. Служба на зоне бывает раз в месяц, и заключенные перед ней говеют целую неделю: постятся, читают правила, стараются следить за своим поведением, каются в грехах перед Богом. Службу у них нельзя отменить. Что же теперь делать?

У Димы мелькнула мысль, которую словно через воздух поймал и отец Николай. Посмотрев на Диму, он сказал: «Звоним настоятелю».

Вообще-то идея тоже была не самая лучшая. Настоятель храма, в котором служил молодой священник отец Николай, давно имел зуб на батюшкуспортсмена. То отец Николай повергал на землю очередного пономаря, испытывая новый прием; то проповедовал в таких местах, куда настоятель никак не благословил бы идти проповедовать; то борол в армрестлинге всех священников на собрании благочиния; то, выпив на именинах настоятеля, веселил отцов гово- рением на «языках», пользуясь старыми протестантскими навыками...

Короче говоря, отец Николай был батюшкой беспокойным, и настоятелю он постоянно доставлял какие-то проблемы.

Понятно, что от такого звонка могли быть неприятности. Но наверняка их было бы еще больше от звонка епископу. Уф, какая сложная ситуация! В тюрьму не поехать невозможно, но и служить отцу Николаю сейчас по канонам нельзя – требуется особое благословение священноначалия. Самым близким звеном в данной ситуации все равно оказывался настоятель. Да, придется звонить ему.

Отец Николай достал телефон, нашел номер настоятеля и нажал кнопку вызова. Никто не брал трубку.

– Слушай, он, наверное, исповедует сейчас. Ведь служба у нас уже идет, – догадался Дима.

Предположение оказалось верным. Настоятель перезвонил сам, сразу после того, как друзья написали ему сообщение: «Срочный разговор. Возьмите трубку».

Отец Николай сбивчиво объяснил суть дела и затих на несколько минут. Из трубки до Димы доносились обрывки фраз наподобие: «ну сколько можно... я ж тебе говорил, отец... как вы мне дороги, творческие мои... ты священник или где?... а может, в киллеры пойдешь?... ну вот зачем батюшке все это кунг-фу?..» Отец Николай стоически молчал и смотрел куда-то вдаль через лобовое стекло.

Но друзьям повезло – протоиерею надо было куда-то бежать. Прервавшись на полуслове и помолчав немного, он изрек: «Езжайте, служите. В понедельник шагом марш к владыке». Трубка облегченно запикала длинными гудками.

Через час Дима уже читал на клиросе часы, а отец Николай молился в алтаре тюремного храма о здравии и вразумлении побитого им незнакомца. А заодно и о себе, грешном.

Ситуация вырисовывалась не ахти. За побои, да еще и перед литургией, могли запретить в служении и даже лишить сана. Могло попасть и настоятелю за то, что разрешил служить

своему священнику после драки. «Эх, как знать, – думал отец Николай, помахивая кадиллом, – не совершаю ли я сегодня свою последнюю Евхаристию?»

Служить было тяжело. Во время этой литургии, запомнившейся ему на всю жизнь, батюшка вполне ощутил правоту Церкви в ее запрете священникам бить людей. Да, нельзя теми же руками, которыми только что проливал кровь, брать чашу с Телом и Кровью. Невозможно, ударив в лицо человека – образ Божий, – через час молиться словами: «Милость мира, жертву хваления»...

Хотя что же он должен был делать, когда его машину угоняли? Сложно все в нашем падшем мире...

В понедельник батюшка стоял перед дверью в кабинет архиерея. Сказать, что он волновался, – значит, ничего не сказать. Отец Николай совсем не знал нового владыку. Епископ был молодой, и епархия, в которую входил храм священника-спортсмена, числилась его первой кафедрой. «Молодой и неопытный... Конечно же, с амбициями... Сейчас будет строить... Небось и орать. Ему ж надо себя показать», – думал отец Николай, рассматривая портреты в приемной архиерея.

– Вас просят войти, – сказал секретарь.

«О, приглашение на казнь. Все. Грядет расплата за мои грехи», – подумал отец Николай. Он перекрестился и на негнущихся ногах вступил в кабинет.

Владыка сидел перед компьютером и что-то писал. Он несколько секунд не поднимал головы, заканчивая какое-то предложение.

За эти мгновения отец Николай успел рассмотреть его. Спокойное, но живое лицо. Круглые очки. Фигура стройная, даже аскетичная. В целом чувствуется человек умный, целеустремленный, конкретный... Вспомнилось, что новый архиерей имеет два высших образования и степень доктора богословия.

«Что ж... Этот, может, орать и не будет. Будет уничтожать морально. Унижать будет», – мелькнуло в уме отца Николая.

Наконец владыка оторвался от клавиатуры, встал, благословил священника. «С чем пришли, отец?» – спросил он после всех деталей приветственного этикета.

Отец Николай начал свой грустный рассказ. Епископ слушал внимательно. Когда священник закончил, владыка задумался.

«Решает, как поставить меня на место. Снимать с меня сан или запретить в служении. Интересно, на сколько. На год? На полгода? Уж точно не меньше. Да... И спорт запретит. Прощайте, тренировки...»

Архиерей вдруг оживился, как будто что-то его осенило.

– Греко-римская борьба, говорите?

Отец Николай с опаской смотрел на епископа. Он не понял вопроса. «Так. Наверное, сейчас выведет к тому, что это языческое искусство. Типа как православный священник может заниматься...»

– Вы занимаетесь греко-римской борьбой, отец?

– Да, владыка.

– Это где используются захваты, броски, где противника можно положить на землю и слегка придушить?

– Да.

«О, все понятно! Тема насилия. Будет предъявлять мне, как же это вообще можно людей на землю укладывать. Сейчас скажет: отец Николай, вам людей на небо надо возводить, а вы их на землю валите...»

– Итак, борьба. Вы бой Александра Карелина с Маедой смотрели?

«Господи, это что ж такое... Сейчас скажу, что смотрел, а он скажет: “Вы все время жестокости и агрессию смотрите? А когда же вы святых отцов читаете?” Это ж надо, так долго подходить. Это не владыка, это гестаповец какой-то».

– Кхм... Смотрел, владыка.

– Да? И как вам?

«Нет, это невыносимо. Он же просто издевается. По идее, я должен сейчас осудить этот поединок и в целом всю борьбу за жестокость... Сказать, что это неправославно... Как же ответить? Уффф... Святой Николай, помогай!»

– Ну... Оно, конечно, может, и жестоко. Я против жестокости. Это неправославно...

Владыка приподнялся со стула.

«Все. Началось», – подумал отец Николай. И как-то произвольно, инстинктивно перекрестился.

– Отец, а как он его вверх тормашками-то поднял, а? Японца-то. Как таракана! Какая сила у него, это же просто невероятно! Эх, борьба... В юношестве ходил немного. Хороший вид спорта, мужской. Да... Кхм...

Владыка взял со стола стакан с водой и немного отпил.

– Батюшка, так вам нужно было поступать по правилам классической борьбы. Сделали бы бросок прогибом или разворотом или захватили бы преступника «петлей»; перевели бы его в партер и подушили бы немножко, чтоб ему запомнилось. И крови никакой не было бы. А?

– Виноват, ваше преосвященство.

– В следующий раз – преступника на землю и придушить. Вот как Карелин. Поняли?

– Да, владыка!

– А сейчас ступайте, отец. У меня тут дела посерьезней ваших угонщиков. Хотя, честно, вот весь день с вами про борьбу говорил бы. Но увы – дела, дела...

Отец Николай не поверил.

– Я могу идти, владыка?

– Ну да.

– Идти... и все?

– И все. Отец, не считите за дурной тон, но вы уже должны были выйти. Простите, занят как никогда.

– Спаси Господи, ваше преосвященство!

– Помогай Бог.

Отец Николай шагнул было по направлению к выходу, но остановился. Нет, он не мог так просто уйти. Не совсем отдавая себе отчета в том, что он делает, священник резко обернулся и спросил:

– Владыка, а почему вы меня отпускаете так... без наказания?

Архиерей поднял голову от какой-то бумаги, в которую он уже успел углубиться, и внимательно посмотрел на отца Николая. Чуть помедлив, он ответил:

– Понимаете, батюшка, вот такие необычные случаи, которые в жизни с нами происходят, попущены Богом для того, чтобы мы что-то поняли. Вы – священник и должны все понять сами. И я не собираюсь вас как-то поучать и тем более наказывать. Не люблю эти игры. Идите с Богом.

Отец Николай вышел из кабинета. У него кружилась голова. Секретарь-семинарист что-то сказал ему. Священник кивнул, не разбирая речи, и вышел на улицу.

Солнечные лучи ударили ему в лицо, свежий ветер растрепал бороду и волосы на голове. Ощущение блаженства и какой-то свободы наполнили священника. Он ощутил, как же прекрасно быть прощенным. И понял, что от всего сердца прощает тому... странному угонщику.

Ему подумалось, что вот такие беседы, как сегодняшняя, – это редкие встречи с настоящим христианством. Они согревают сердце, как свеча – замерзшие ладони. А еще отец Нико-

лай почувствовал, как же хочется в спортзал – размять мышцы и отработать пару бросков. Через минуту он уже был в машине и мчался на тренировку, попутно рассказывая Диме про нового архиерея.

Чудо произрастания волос

Еду в метро. Рядом, пошатываясь, стоит пьяный верзила. Вращая по сторонам мутными глазами, явно ищет, к кому бы прицепиться. Пытался пошутить с какой-то девушкой – она промолчала и вышла на следующей станции. Громко прокомментировал рекламный плакат, висящий на стенке вагона, – но никто не обронил ни слова. Посматривал пару раз и на меня, но я спокойно читал что-то с мобильного, не обращая внимания на попутчика. В конце концов пьяный приуныл и задумался о чем-то, склонив голову.

Поезд выехал из туннеля, вагон наполнился солнечным светом. Вдали засверкали купола монастыря. По привычке я перекрестился. Среагировав на мое движение, нетрезвый попутчик тут же поднял голову, оживился, и придвинулся ко мне. Очевидно, он нашел мишень для атаки. Начался разговор.

– Веруешь, значит?

– Значит, верую. А что?

– А то, что плохо ты веруешь.

Не понял. Озадаченно смотрю в пьяные глаза. Что значит «плохо верую»? Что он имеет в виду, этот выпивоха? Увидев мое замешательство, попутчик удовлетворительно крикнул и продолжил свою странную речь.

– Ты голову свою видел?

– Допустим, видел. А чего с ней такого?

– Да того, что ты наполовину лысый, – вот чего. Молодой парень, а лысина, как у профессора Преображенского.

Люди вокруг начинают смеяться. Я по-прежнему ничего не понимаю. Ну, положим, я лысоват – но при чем тут моя вера? И какая разница ему, пропойце? К чему его слова?

– Посмотри, – говорит, – на мою голову. Что видишь?

Смотрю. Копна густых, кучерявых волос.

– А теперь глянь сюда.

Он достает из широких штанин какую-то фотографию. На карточке вижу его самого, только полностью лысого. Все равно мне ничего не ясно.

– Смотри, каким я был и каким стал. Видишь?

– Ну вижу.

– То-то. А знаешь, откуда волосы?

Он лезет во внутренний карман и победоносно вытаскивает из-за пазухи затертый до невозможности молитвослов. Потрясывая книжечкой перед моим носом, объясняет:

– У меня волосы все выпали, до одного. А я Бога просил, чтоб Он мне их назад вернул. Помолился – и через полгода все выросло заново. Все волосы! И еще гуще стали, чем раньше. Чудо Божие, понимаешь? Это потому, что у меня вера сильная и я Богу молюсь крепко. А у тебя, видать, вера слабенькая и молишься ты слабенько, как салага, – отсюда и лысый. Поэтому и говорю я, что плохо ты веруешь. Понял?

Люди вокруг хохочут. Смеюсь и я. Выхожу в приподнятом настроении. Ум сразу пытается собрать какие-то пазлы по теме «волосы» из библейских картин: Самсон и его косы, обет назорейства и запрет стричься; толстая коса Авессалома, послужившая его гибели; обет в Кенхреях, данный апостолом Павлом, сопровождающийся острижением волос. Есть в Библии какая-то интересная взаимосвязь между верой и длиной волос на голове. Не берусь формулировать, чтоб не скатиться в эзотерику, но тема любопытная. А после таких вот встреч – вдвойне любопытная.

Да ладно, не в этом вовсе интерес. Важно, собственно, другое: этого пьянчугу Господь буквально за волосы тянет в Царство Небесное. Может, и дотянет – как знать? Достоевский

вон про луковку рассказывал, за которую ангелы из ада женщину тянули. А тут за волосы тянут в рай – почему бы и нет? Дай Бог, чтоб вытянули его; дай Бог, чтоб и нас всех вытянули.

Каждого из нас Христос влечет к себе, находя в нас что-то такое, за что Он может зацепиться. Бывает, это естественная добродетель, которая становится мостом к вере. А бывает, это грех, в борьбе с которым человек прибегает в конце концов к Богу. А бывает: «Господи, верни мне волосы». Ну что ж, на# тебе волосы. Только молитвослов купи и в храм Божий приди. А там, глядишь, и до исповеди с причастием недалеко. Дивны дела Твои, Господи.

Через «чудо с волосами», сладкую конфету или горькую пилюлю – приведи нас, Господи, к Себе.

Приведи, потому что сами мы очень редко ищем Тебя. Нас надо звать, убеждать, приманивать, пугать. Если надо, напугай меня, Господи, – но приведи к Себе. Если надо, дай горькое лекарство – но не оставь и исцели. И меня, и этого выпивоху «с волосами», и всех нас – потому что жаль всякого человека, убежавшего от Творца и заблудившегося в жизненных джунглях.

Еще месяца два после описанного случая, как только я видел какую-либо лысую мужскую голову, в моей памяти раздавался хриплый, нетрезвый голос: «А у тебя, видать, вера слабенькая и молишься ты слабенько, как салага, – отсюда и лысый. Поэтому и говорю я, что плохо ты веруешь. Понял?» И всякий раз, улыбнувшись, я говорил про себя: «Понял». И благодарил Бога за преподанный урок.

Одна неверная мысль – и человек повержен

Вокзальная площадь уже кишела народом, хотя было раннее утро. Торговки раскладывали свою тысячу мелочей, один за другим открывались ларьки с пирожками и чаем, квакал хор бабушек, предлагающих жилплощадь посуточно: «Ква-а-ртира, ква-а-ртира». Среди этого хаоса сновали туда-сюда заспанные люди с сумками в руках. На своем обычном месте стояла дешевая рабсила – грязноватые парни, курящие и матерящиеся. Они-то и нужны были Диме, директору небольшой фирмы грузоперевозок. В этот день у него было запланировано несколько выездов на важные объекты, и грузчиков не хватало. Сейчас необходимо было договориться с тремя рабочими.

Дима вышел из машины и подошел к группе мужчин. Диалог длился недолго. Через несколько минут в салоне Диминой машины уже сидели трое ребят, и они на всех парах мчались на первый заказ. Начался трудовой день, который продолжался до глубокого вечера. Во время работы Дима заметил, что руки и ноги одного из парней были покрыты ужасными шрамами – очевидно, когда-то он получил тяжелые увечья. Однако работал хорошо, наравне со всеми.

Вечером последовал обычный расчет с наемниками. Раздав деньги, Дима повез к ближайшему метро своих вокзальных работников. Двое вышли, третий же (увечный) попросил подбросить чуть дальше, к автостанции. Тогда-то и произошел разговор, запомнившийся Диме.

В салоне его машины, на панели справа от руля была наклеена маленькая иконка Спасителя. Через зеркало Дима заметил, как парень, увидев икону, перекрестился. Для вокзального грузчика это было несколько необычно, и Дима решил задать вопрос.

– Веришь в Бога? – спросил он.

– Верю, – ответил рабочий.

– И в Церковь ходишь?

– Ходил. Теперь не хожу, так как Бога прогневал.

– Ну, знаешь, мы все грешники и Бога постоянно прогневаем своими грехами. А в Церковь все же надо идти каяться и с Богом мириться.

– Знаю. Да только мне нет смысла идти, пока я в свой монастырь не вернусь.

Вот неожиданность! Дима обернулся и глянул на парня. Тот смотрел в сторону и судорожно теребил свои грязные пальцы.

– Да ты что же, монах?

– Нет, послушник. Два года послушником был и готовился к постригу.

Ничего себе грузчик! Грязный парень с вокзала, едва не ставший монахом, – здесь должно было быть что-то необычное.

– Может, расскажешь свою историю? – попросил Дима. – И тебе легче станет, и мне самому, чувствую, твой рассказ будет поучителен. Расскажи.

Сергей (так звали грузчика), помолчав, начал говорить. Точно, история его была необычайной – насколько яркой, настолько же и трагичной.

* * *

В свои неполных двадцать шесть лет он уже имел за плечами три отсидки за воровство. Во время последнего срока участвовал в тюремном бунте. Восстание было жестоко подавлено – на заключенных выпустили собак и особо сопротивляющихся загнали вилами в угол барака. Тогда-то ноги и руки Сергея были порваны псами и проколоты вилами, свидетелем чему были огненно-красные шрамы. После третьего срока Сергей пристрастился к наркотикам, прошел

несколько реабилитационных центров, и все безрезультатно. Метадон, на который «присел» Сергей, развивал жестокую зависимость и порождал жесточайшие ломки.

Тогда-то ему и посоветовали поехать в монастырь. Особо не надеясь на какую-либо помощь, Сергей все же решился и поехал. Две недели он переживал метадонные ломки, считающиеся одними из самых жутких в страшном мире наркотиков. Его закрывали в комнате с монахом, который непрерывно читал Псалтирь. Сергей кричал, бросался на двери, разбивал окна, неоднократно пытался совершить самоубийство, нападал на монаха... Но через месяц монастырь облетела весть о чуде – ужасная наркотическая зависимость была побеждена без единого медицинского препарата. Сергей начал приходить в себя и возвращаться к нормальному существованию.

Вскоре он влился в обычную монастырскую жизнь с ее послушаниями, службами, постами. Появились хорошие, доверительные отношения с духовником. Подружился с братией, выучился нескольким полезным профессиям. Впервые прикоснулся к благодатному опыту молитвы, впервые в жизни причастился; открыл для себя мир Евангелия и святых отцов. Сергей узнал совсем другую жизнь, полную смысла, красоты, надежды. По прошествии двух лет духовник завел речь о постриге – и сердце Сергея естественно откликнулось на этот зов. Постриг был назначен на ближайший Великий пост, и Сергей не мог представить, что бы могло изменить благословение духовника и его собственное решение.

И вдруг пришла та самая *мысль*. Червь, который начал точить Сергея, грызть его и днем и ночью, мутить до тошноты и мучить до боли в сердце. Мысль крепко засела в уме, овладела вниманием и сделалась новой ломкой, новым испытанием.

«Боже мой, ведь я еще так молод, и у меня все впереди! Не ужасным ли будет заживо похоронить себя здесь, в этой глуши? Однообразие этих дней сведет меня с ума. Молитва, прием пищи, послушания – вот и весь круг здешних занятий; не смерти ли подобно заключить себя в них на всю жизнь? Я ведь еще могу начать жить в миру заново – жениться, иметь детей, найти хорошую работу... Нет, нужно непременно уйти из монастыря. Уйти и стать новым человеком».

Чувствовал ли Сергей все лукавство этой мысли? Конечно. Но вместе с тем ничего не мог с собой поделаться. Мысль овладела им, гнала из обители, и даже сообщила какую-то ненависть к духовнику, игумену, братии. Дальше оставаться в монастыре было невозможно. Сергей сообщил о своем решении духовнику. Разумеется, тот уговаривал, убеждал, что это обычное искушение, которое надо перетерпеть, перемолить, – но все было напрасно. Никакие убеждения уже не могли остановить Сергея.

Ему была куплена новая одежда, выдана крупная сумма денег, упакованы продукты в дорогу. Сам игумен вышел провожать его до остановки. Шел и все время плакал. Плакал и Сергей, слово Адам, уходящий из рая... Вернувшись в город, в тот же день он напился и провел ночь с первой подвернувшейся женщиной. Через неделю разгула закончились монастырские деньги. Подался на заработки. Поработал в одном, в другом месте. До «хорошей работы» не дошло – образования нет, тюрьма на лице написана. В конце концов Сергей опустился на дно жизни и превратился в немытого бомжа, подрабатывающего грузчиком. Вернуться в монастырь не мог – стыдно было.

– Знаешь, о чем я теперь думаю постоянно? – спросил Сергей Диму.

– О чем?

– О том, что метадоновые ломки я победил, а одну-единственную мысль победить не смог. Она меня сломала и съела.

Сергей замолчал. К автостанции они уже давно подъехали и стояли у обочины. Дима искал какие-то слова поддержки, утешения, ободрения – и ничего не находил. Сергей попрощался и вышел на улицу. Моросил дождь. Дима еще долго сидел в машине, смотрел на ночные

огни города, на мимоходящих людей. Жизнь продолжалась, но этот день принес в нее что-то такое, чего не было раньше. И это «что-то» теснило грудь и делало глаза влажными.

* * *

Через некоторое время Дима, имеющий огромный круг общения, сначала забыл, как выглядел Сергей, а затем потерял из памяти и его имя. Но последние слова, сказанные необычным грузчиком, Дима запомнил навсегда: «Метадонные ломки я победил, а одну-единственную мысль победить не смог. Она меня сломала и съела».

Дима был благодарен Сергею за его рассказ, а Богу за то, что через такую встречу ему довелось услышать живое свидетельство об истинности учения, которое давным давно изложили христианские подвижники в своих аскетических творениях. Это учение о мысленной брани: о прилоге, сочетании, сосложении, пленении – о той войне, проигрыш в которой может стоить человеку вечной жизни. И, забыв имя Сергея, Дима все же иногда поминал его на молитве как «того человека, который победил ломки, но которого победила мысль».

Да! Мысль, одна неверная мысль – и человек повержен. Война, проигранная внутри, приводит к постепенной гибели и человека внешнего. Нападение на мысли есть опаснейшая из атак, и брань в помыслах важнее войны в окопах, так как на кону стоит бессмертная душа. Причем проигравший мысленную схватку христианин своими внешними подвигами может только усугубить свое поражение. Каждый поклон, каждый постный день, каждый случай воздержания может стать мячом в свои же ворота, так как нет хуже проигравшего, уверенного в своей победе. Непонятое внутреннее поражение чревато еще большими потерями и окончательным уничтожением остатков душевной силы.

Стоит, очень стоит время от времени проверять свое сердце, не есть ли я «тот человек, который победил ломки, но который побеждается мыслью». И, возможно, не раз придется благочестиво испугаться за самого себя, видя, как взрослый человек уже с некоторым церковным опытом может быть совсем слаб и незащищен перед одной-единственной мыслью, навеянной внутренним или внешним врагом. Господь да подаст внимательность всякому христианину, чтоб не быть ему в числе проигравших. Поражение слишком дорого стоит, и новый шанс дается не всегда.

А теорию мысленной брани нужно изучать. Чтобы, когда лукавый помысел подойдет и начнет свой гнусавый шепот, алгоритм противодействия был подготовлен и отработан. *Уготовихся и не смутихся* (Пс. 118, 60), – говорит Писание. Будем готовы и мы. Настанет когда-то и наш черед увидеть подкравшегося мысленного врага, – и мы должны будем обезвредить его по всем правилам духовной брани.

Елена Дешко

Храм над прудом

Виктория живет в Москве уже тридцать лет. Попала она сюда в конце восьмидесятых, и попала совершенно случайно. Если можно, конечно, так выразиться.

Вике было тогда немногим больше двадцати, она только что выучилась в Харькове на библиотекаря и отработывала положенные три года по распределению – долг государству за бесплатное образование. Распределили ее в маленькое село заведующей библиотекой, где она была и начальницей, и единственным работником. Ее тотчас же осаждали местные парни, проявившие вдруг необычайный интерес к чтению, особенно в «читальном зале» библиотеки, то есть у стола, заваленного свежими газетами и журналами, прямо напротив конторки, за которой сидела Вика. Обыкновенное дело – новенькая всегда вызывает жгучее любопытство, даже несмотря на внешние данные. Но данные у новой библиотечарши были вполне себе ничего, и всплеск интереса все не спадал, а один тракторист-переводчик и вовсе до такой степени усилил свои ухаживания, что Вика чуть не плакала.

– Прямо преследует, в буквальном смысле проходу не дает – после работы часами домой (на съемную квартиру к одинокой бабке Моте) не могу попасть. Держит под вязами у калитки, замуж уговаривает. Твердит одно: никуда ты от меня теперь не денешься, даже не надейся! Уже и мама его тайно приходила к тете Моте, чтобы ее поддержкой заручиться... Еще украдет, чего доброго, от такого всего можно ожидать, – жаловалась она подругам, приехав на время отпуска в родной городок.

– А нам на днях пришла разнарядка из Москвы, из Министерства обороны, набирают девушеквоеннослужащих, – сказала Марина, медсестра из местного военкомата. – Хочешь поехать, послужить два года в армии, Москву посмотреть? В этом случае освобождают от отработки по распределению!

Вика в Москве никогда до этого не бывала и после недолгого колебания согласилась на заманчивое предложение. Пожить в Москве два года на полном довольствии, увидеть все достопримечательности, Третьяковскую галерею! Она почему-то казалась ей самым большим столичным чудом.

Все свершилось до невероятности быстро, и уже недели через полторы (между прочим, в свой день рождения и, как гораздо позже она узнала, в большой церковный праздник) Вика сидела в оплаченном по воинскому ведомству купейном вагоне скорого поезда и ехала в чудесную, таинственную Москву.

Московский вокзал показался ей грандиозным, нагромождения зданий на другом берегу Москвы-реки – сказочными замками. Вика с жадностью смотрела на людей вокруг – в ее ожиданиях они должны были оказаться какими-то особыми и даже одетыми совершенно необыкновенно, то есть совсем не такими, как во всех других местах обширной Родины. Но люди не производили впечатления особенных, и Вика решила, что вокзал – это, пожалуй, еще не самая настоящая Москва.

Следуя подробным указаниям, полученным в военкомате, она успешно добралась до поликлиники Генштаба, куда была командирована для прохождения службы. И вот тут уже – и старинный московский бульвар, и внушительные здания Генштаба и поликлиники, а особенно обилие высших военных чинов и несметное число медиков в белоснежнейших халатах, снующих по всем направлениям запутанных коридоров и переходов загадочной поликлиники, – все восхищало ее и чуть ли не повергало в благоговейный ужас и культурный шок.

– А вы знаете, кем будете работать? – спросила ее в своем кабинете главная медсестра поликлиники, маленькая, ладненькая Нина Игнатовна.

Вика не знала, так как в военкомате ей почему-то этого не сообщили, туманно сославшись на то, что им это неизвестно и что «не переживайте, все скажут на месте». А Вика, в эйфории от того, что впереди такие невероятные перемены, даже как-то особо и не озабочилась этим вопросом.

– Мы набираем девушек-военнослужащих для пополнения младшего медицинского персонала поликлиники, то есть санитарочек. Их обязанность – помогать медсестрам в течение всего рабочего дня, а также мыть полы в отделении. Если вы не готовы к такой работе, то сейчас вы еще можете отказаться и уехать, но когда примете воинскую присягу – сделать это уже будет невозможно... Поезжайте сейчас в общежитие, пообщайтесь с девочками, а завтра решите окончательно.

Вика пережила настоящий стресс. Как она, библиотекарь, будет мыть полы?? В наше время, когда везде царит культ высшего образования, этим ведь могут заниматься только пожилые тетеньки! Но и бесславно возвращаться назад, так и не увидев Москву, тоже было невыносимо... Что же делать? Может быть, все же потерпеть как-то эти два года, ведь вряд ли еще когда нибудь в жизни представится подобная возможность...

Вике показали поликлинику. Младшие медсестры – в изящных белых туфельках, в белоснежных крахмальных халатах и таких же крахмальных колпаках на голове – почти ничем не отличались от другого медицинского персонала. Когда Вика уже работала в стоматологическом отделении поликлиники, однажды в коридоре к ней подошел старенький генерал-отставник и, развернув свою медицинскую книжку, уважительно спросил:

– Сестричка, объясните, пожалуйста, что это у меня здесь написано?

– Я не сестра... – сказала ему Вика.

– Ой, простите, доктор! – извиняющимся тоном воскликнул генерал...

А на втором году службы начальник отделения, полковник медицинской службы Дмитрий Анатольевич Б., раза два вызывал Вику в свой кабинет и советовал поступать в медучилище, где вечерами учились практически все девушки-санитарки. Но Вика, с детства терявшая сознание при виде крови на собственном пальце, совершенно не видела себя в этой профессии.

Общежитие Министерства обороны тоже оказалось выше всяких ожиданий, хотя и с чрезвычайно строгими правилами, вполне, конечно, оправданными воинской дисциплиной. Это был новенький 16-этажный дом на северо-восточной окраине Москвы, где для женщин-военнослужащих был отведен целый угловой подъезд. Уютные однокомнатные и трехкомнатные квартиры, в которых проживали по две-три девушки в комнате, были полностью укомплектованы всем необходимым – от самой разнообразной посуды и настольных ламп до бесплатной стирки постельных принадлежностей, которыми жильцы тоже были обеспечены. В общем, государство и армия постарались компенсировать непрестижную работу максимальным количеством бытовых удобств, а также полным пакетом льгот по общему воинскому контракту.

Одним словом, жизнь, как это бывает в юности, установилась довольно быстро и все пошло своим чередом. В первый же выходной Вика отправилась на поиски Третьяковской галереи. Выйдя из одноименной станции метро, она заметила на углу милиционера, стоящего у своей стеклянной будки-стаканчика и, подойдя, спросила:

– Скажите, пожалуйста, как мне пройти в Третьяковскую галерею?

Милиционер посмотрел на нее с высоты своего богатырского роста и сказал:

– Вы опоздали, девушка, она уже закрыта.

– Как закрыта? – удивилась Вика. – Ведь сейчас всего лишь середина дня, на обеденный перерыв закрыта, что ли?

– На реставрацию закрыта, – ответил страж порядка. – Приходите, девушка, года через два-три.

Но ни милиционер, ни тем более Вика и представить себе не могли, что вскоре настанут такие времена, когда отменятся всякие планы и поколеблются даже самые основы жизни, и что Третьяковская галерея откроется не через три, и даже не через пять, а почти через пятнадцать лет...

Ну а пока Вика с азартом первооткрывателя ринулась познавать Москву. Почти на каждый выходной было запланировано посещение знаменитого театра, или музея, или концерт, или экскурсия в историческое место, а то и просто прогулка по старинным московским улочкам и переулкам. Столица, не скупясь, открывала перед ней свои богатства. Но все же самые главные и самые таинственные свои сокровища Москва приберегла до времени и открыла ей намного-намного позже...

* * *

Шел уже второй год службы, как вдруг Вике стало известно, что если перевестись в квартирноэксплуатационное управление, то через несколько лет можно получить московскую прописку и комнату в коммунальной квартире... Работа там предлагалась совсем уже не романтичная – уборка служебных помещений, но можно было проживать в той же квартире общежития, да и рабочий день был намного короче, что тоже, в общем-то, заносилось в плюс.

Соблазн был велик, и Вика, не без душевного трепета решаясь на очередные перемены в своей судьбе, все же подала рапорт с просьбой о переводе. Сразу же записалась на курсы машинописи, рассчитывая сменить со временем род занятий, а также стала готовиться к экзаменам в институт культуры, чтобы продолжить свое библиотечное образование.

Но тут с Викой случилась любовь. Она явилась в виде положительнейшего молодого человека весьма приятной интеллигентной внешности, с красным дипломом окончившего престижный столичный вуз и совершенно не имевшего никаких вредных привычек. Он отнесся к Вике с самым нежным и дружеским расположением, сразу же ввел ее в круг ближайших друзей и стал говорить родные слова. У них оказалось много общих увлечений – жизнь наполнилась событиями до краев... Вика решила, что это судьба, и доверила ему все свое самое ценное, девичье – всю себя, со всеми, так долго хранимыми, ожиданиями, мечтаниями и надеждами.

Прошел год, второй, третий, их отношения становились все нежнее и дружественнее, однако Вике стала тяготить эта ровность, за которой все никак не просматривалось ничего более определенного. На ее робкие намеки молодой человек отвечал, что нужно еще немножко подождать, что он вот-вот окончательно «встанет на ноги», сможет снять квартиру, и тогда они сразу же поженятся. А сейчас он ведь живет в одной квартире с мамой и женатым братом и сам вынужден спать в проходной комнате...

Гордость не позволяла Вике спросить, почему же, по крайней мере, он до сих пор не хочет познакомить ее со своей мамой и даже не дает номер домашнего телефона, ограничиваясь только служебным. Она страшилась как-нибудь нечаянно получить подтверждение своей догадки, что он просто не хочет зря травмировать маму девушкой из общежития...

Прошло еще немного времени, и пробил тот недобрый час, когда что-то вдруг резко и окончательно погасло в ее душе и даже пепел развеяло ветром, а сверху еще и дождичком полило. Молодой человек всполошился, стал «звонить во все колокола», привлекая всех ее подруг к процессу примирения. Однако на всякий случай «честно» предупредил, что жениться сейчас он все же не сможет, нет пока для этого необходимой «базы», а вот со временем, «конечно же, несомненно – никто другой мне не нужен!».

Но Вике не хотелось больше ничего. Вернее, не так – ей хотелось остаться одной и чтобы никто-никто ее больше не тревожил. А для этого ей очень нужен был свой собственный «угол».

Ведь если ничего не получилось даже с таким, во всех отношениях приятным молодым человеком, то надо, наверное, оставить все надежды на семейный очаг и всерьез озаботиться банальной крышей над головой, своей личной, за которую никто и никогда не смог бы ее попрекнуть. Но с получением «угла» дело тоже не шло. Сначала пришли известия, что комнаты уже давать не будут, так как в Москве настало время массового расселения коммуналок, а чтобы получить отдельную квартиру, нужно отработать еще на несколько лет больше. А через несколько лет настали те самые мрачные 90-е годы...

Большинство людей, которые хорошо их помнят, почти не воспринимают слово «мрачные» как метафору – почти у каждого в воспоминаниях остался какой-то постоянный беспросветный мрак и вечная непогода. Солнце словно навсегда скрылось в тяжелых низких тучах, бесконечно шли холодные унылые дожди. Москва вдруг стала серой и неряшливой, с грязными улицами – люди бросали мусор прямо себе под ноги, во многом еще и потому, что во избежание терактов городские власти убрали из общественных мест почти все урны. На каждом углу, как ядовитые грибы, выросли ларьки с табаком и алкоголем, продававшимися любому желающему, абсолютно невзирая на возраст. Подходы к метро перегородили уродливые базары, где торговали всем вперемешку.

Армия оказалась в опале, кто-то явно подогревал в обществе ненависть к военным. Офицеры опасались показываться на улицах со знаками отличия – они приходили на службу в гражданской одежде, переодевались в своих кабинетах в форму, а уходя домой, опять надевали обычную одежду. Бывали случаи, когда в общественном транспорте человека избивали просто за то, что на нем были погоны. По телевизору показывали, как по договору о разоружении, и в присутствии довольных иностранных наблюдателей, режут на части новейшие ракетные комплексы, не имевшие мировых аналогов. Рядом стояли офицеры и плакали от бессилия...

В общежитии пошатнулась дисциплина, и дежурная воспитательница уже не приходила каждый вечер перед сном узнать, все ли на месте. А однажды по всему общежитию пронеслась ужасающая новость, что одну из девушек нашли убитой в номере гостиницы «Москва»... Приезжал следователь расспрашивать о личности убитой, вызывали и Вику, но она не смогла сообщить следствию ничего полезного, так как совсем не была знакома с несчастной...

Стали задерживать выплату денежного довольствия и однажды не выплачивали его целых шесть месяцев. Каким-то чудом неизменно выдавался лишь ежемесячный продуктовый «сухпак» – несколько пакетов с крупами, несколько банок тушенки и рыбных консервов, чай, сахар. Но в условиях полного безденежья этого хватало в лучшем случае на неделю-полторы.

Каждый выживал как мог, а это было очень непростой задачей, ведь закон запрещал военнослужащим подрабатывать на стороне. «Вы, конечно, можете уволиться по собственному желанию – в связи с неординарной ситуацией это разрешается сделать до окончания контракта, – говорило начальство, – но подработки будут расценены, как прямое нарушение воинской дисциплины с соответствующими последствиями...» Соответствующие последствия – значило увольнение по статье.

Некоторые офицеры, с негласного разрешения командиров, все же подрабатывали, чаще всего ночными охранниками в каких-нибудь дорогах клубах и магазинах, – ведь надо же было как-то кормить семьи.

Был случай, когда молодой офицер приехал в Москву из дальнего гарнизона и застрелился на Красной площади, потому что пришел в отчаяние от полной невозможности прокормить жену и детей...

По-настоящему голодные времена пришли и в общежитие. У кого были родственники в Подмосковье и ближних областях, время от времени привозили оттуда провизию и тем кормились, а остальные вынуждены были изыскивать разные хитроумные способы к элементарному выживанию. Вику выучали навыки рукоделия, которые до этого воспринимались ею большей частью как приятное хобби. Теперь же она не только шила и вязала себе практически всю

одежду, что давало огромную экономию в средствах, но иногда делала это и для других, получая за это довольно существенное по тем временам вознаграждение. Обычно какая-нибудь из девушек приходила к ней с отрезом ткани и говорила:

– Вот у меня здесь завалилось два метра габардина – сшей мне юбку, а остальное возьми себе!

Или:

– Слушай, тут у одной девушки с 14-го этажа есть настоящее шерстяное двухцветное одеяло. Она предлагает распустить его и связать три свитера. Давай я распушу это одеяло на пряжу, ты свяжешь, и у нас получится по бесплатному свитеру каждой из нас!

Однажды кто-то обнаружил на железнодорожной станции «Долгопрудный», неподалеку от Лианозова, вещевого рынчонок-барахолку, где с рук продавались самые немислимые и неожиданные вещи, часто тем не менее находящие своего покупателя. Женщины-военнослужащие, произведя осмотр личных шкафов и тумбочек и отобрав то, что не являлось в данный момент жизненно необходимым, но имело еще некоторый товарный вид, как то: броши, бусы и другое, тому подобное; почти новый флакон духов – «один раз только попользовалась!»; инкрустированную соломкой шкатулку – подарок брата на день рождения; синюю с золотом чайную пару – «ну, у меня еще две таких, мне достаточно»; и т. д. и т. п., – отправлялись субботним утром электричкой в Долгопрудный и там прямо на земле, на газетах раскладывали на пристанционной барахолке свой нехитрый скарб. Кому-то удавалось продать даже «необязательное» пальто или меховую шапку, но в основном считалось нешуточным везением, если можно было вечером возвратиться домой с трешкой в кармане! Одна из таких счастливиц однажды озабоченно совещалась со своими подружками:

– А как вы думаете, смогу я протянуть на эти три рубля до Нового года?

Долго потом насельницы общежития называли ее в шутку «Оля – три рубля», так как до Нового года оставалась еще добрая половина месяца. Добыть же на эту трешку пропитание составляло не меньшую, а то еще и бо#льшую трудность. Словно по мановению руки какого-то злого волшебника, вдруг опустели полки всех магазинов – и промышленных, и продовольственных. Куда в один момент все это делось, для большинства народонаселения страны так и осталось загадкой. Но магазины открывались в положенное время – видимо, по инерции, – и продавцы, сложив на груди руки и укоризненно глядя на непонятливых покупателей, молча стояли над пустыми витринами, которые под стеклом непременно были зачем-то устелены серой оберточной бумагой.

Покупатели настойчиво и методично обходили пустые магазины – а вдруг именно сегодня что-нибудь «выбросят» на прилавок?

Однажды Вика оказалась в магазине в тот удачный момент, когда только что «выбросили» яйца, и добыла целых три десятка, что было просто немислимым везением, так как больше десятка «в одни руки» уже давно не давали. Дома она положила их в морозилку и долго потом экономно доставала по одному яйцу, расколовшемуся от заморозки, устраивая себе маленький праздник в виде яичницы-глазуньи с одним «глазом».

В другой счастливый вечер, когда ни разу не отключили электричество и даже батареи под окнами были вполне теплыми, к Вике зашла сослуживица Наталья. Вика в это время уже жила в своей однокомнатной квартире одна. Ее соседку Тамару, статную, чернобровую и белокожую хохлушку, санитарку из поликлиники, одна из врачей присмотрела себе в качестве невестки. Свадьба вскоре состоялась, и белокурый майор увез Тому к месту службы. А вторая соседка, медсестра Маша, несколько последних лет проживала у своей тети на Большой Дмитровке, но место в общежитии за ней числилось, и поэтому к Вике пока никого не подселяли.

Итак, зашла Наталья и спросила:

– Слушай, у тебя случайно нет муки? Уже третий день ужасно хочется супчика с клецками, а у нас со Светкой только картошка да морковь. Может быть, найдется пара горстей?

– Мука как раз еще есть, а вот картошки уже больше недели нигде не могу достать. И даже лук имеется, и сушеная зелень – Земфира из соседней квартиры угостила, ей недавно родственники целую сумку продовольствия с поездом передали.

– Ну, тогда мы сейчас придем и устроим у тебя пир – я такой знатный суп с клецками готовлю, настоящий белорусский!

Наталья со своей дочкой Светланой, тоже заброшенные в военное ведомство волею судьбы, проходили службу на узле связи и жили вдвоем в однокомнатной квартире этажом ниже. Наталья была на 12 лет старше Вики, а Света на 12 лет моложе и таким образом Вика была в доверительной дружбе с обеими.

Они умиротворенно сидели в теплой кухне. Суп с клецками был съеден, и пришла очередь чая с вареньем.

– Послушайте, девчата, что я вам сейчас скажу, – промолвила Наталья, положив ложечку на край блюда. – Как вы понимаете, дела наши неважные. Я о квартирах, конечно, говорю. Очередь в последние годы продвигается – как столетний танцует. А тебя, Вика, и вовсе обошли. Это ведь ты должна была в этом году ордер на однокомнатную квартиру получить, а дали Римме из отдела кадров. Ни для кого не секрет, что она после тебя в очереди стоит, а кому пожалуешься? Кто поможет? Такое время настало... беспросветное. И мы со Светкой в очереди на свою «двушку» тоже неизвестно сколько еще будем стоять, и достоемся ли... Никто не знает, что завтра будет, будем ли мы вообще кому-то нужны. Идут разговоры, что весь этот дом офицерам под квартиры отдадут, а общежитие переведут в Подмоскowie, в старый фонд. А нас и вовсе будут сокращать и отправлять по месту призыва. И кто нас там ждет, скажите пожалуйста? А уж обеспечивать жильем там, по месту призыва, точно никто не собирается.

В общем, вот что я хочу сказать... Тут недалеко, у Алтуфьевского пруда, храм стоит. А в нем есть три такие иконы, к которым люди со всей Москвы ездят молиться и просить о помощи в сложных жизненных ситуациях. И Бог помогает – я удивительные истории слышала! Вот скоро Рождество будет, так надо нам тоже пойти и попросить у Бога, чтобы Он помог с квартирами. Это последняя наша надежда, больше не на что нам рассчитывать...

О Боге Вика имела представление очень неясное. И хотя, когда ей раз или два пришлось невзначай зайти в православный храм, почувствовала такой душевный трепет, что даже не смогла сдержать слез, все же особой потребности в Боге и в храме она до сих пор не ощущала. А раз Наташа сейчас уверяет, что люди просят и Бог помогает, то почему же не попробовать... Все же храм – это однозначно дело хорошее и повредить никак не может. Она почему-то знала это точно, так же точно, как и то, что колдуньи и ворожеи – это нехорошо и опасно. Некоторые девушки время от времени ходили к таким и Вика уговаривала:

– Пойдем, это же интересно! И может быть, она скажет что-то нужное!

Вика однажды поддалась этим убеждениям и пошла с ними, но в подъезде того дома на нее вдруг напал такой необъяснимый холодный страх, что она не могла сделать дальше ни шага и, невзирая на уговоры подружек, повернула обратно.

* * *

Наступила Рождественская ночь, и они втроем отправились вдоль берега пруда к освещенному храму. В ограде и в самом храме оказалось полнымполно народу, вскоре началась служба. Вика и Света вслед за Натальей протиснулись внутрь и оказались у трех больших икон, перед которыми стояли подсвечники, до краев наполненные горящими свечами.

– Стойте здесь и молитесь – просите Бога, чтобы помог нам получить квартиры, – зашептала Наталья. – Ты, Света, читай «Отче наш», как я тебя учила, а вообще можно и своими словами молиться. Главное – старательно, от всей души просите!

Перед глазами Вики висели на стене три большие иконы в одинаковых рамах. На одной из них была изображена Богородица с Младенцем, а на двух других – какие-то неизвестные святые. Вика незаметно скосила глаза на Свету. Та стояла, сосредоточенно вперив взор в иконы, и губы ее слегка шевелились. Вика тоже перевела взгляд на иконы.

«Господи!! Если у Тебя есть такая возможность... изыскать средства... Ой, что это я говорю...

Господи! Если можно, помоги... Мне так нужна квартира – крыша над головой... Ты, наверное, знаешь, сколько лет трудилась я для этого на разных непрестижных работах. А теперь все вокруг рушится и сыплется с такой непостижимой скоростью, что я в любой момент могу оказаться буквально на улице. Куда же мне потом деваться? Родители мои давно умерли, родственников, на которых можно опереться, нет, я почти одна в этом мире... Господи, если Ты есть и если Ты можешь, помоги мне, сделай что-нибудь...»

Другие желающие помолиться и поставить свечи незаметно оттеснили их в сторону. Вика оглядела окружающий народ, своды храма, а потом через плечи людей попыталась рассмотреть, что же происходит там, впереди, и распознать хоть некоторые знакомые слова в молитвах и песнопениях. Было жарко, тесно, плохо видно и ничего не понятно.

– Устали? – прошептала сзади Наталья. – Ладно, выйдите во двор, отдохните немного. Но долго там не гуляйте, надо подольше на службе постоять!

Вика со Светланкой весьма охотно, хотя стараясь и не обнаруживать этого, выбрались из храма. Стали разглядывать людей во дворе, установленные у входа елки, блестящий за воротами пруд и громады темных домов на другом его берегу – город спал. Вскоре мороз стал заползать под одежду.

На пороге храма показалась Наталья и призывно замахала рукой:

– Ну, хватит там сидеть, а то к скамеечке примерзнете! Отдохнули немного, и достаточно, идите еще помолитесь у икон, да не ленитесь, просите как следует...

А служба все продолжалась и продолжалась, и казалось, что она не закончится еще по крайней мере суток двое. Наталья, сжалившись, снова отпускала их во двор поглазеть на звездное небо и размять затекшие ноги, а сама стояла у трех икон, как несменяемый часовой на посту особой важности.

Возвращались домой той же дорогой, вдоль пруда, полусонные и уставшие, но крайне довольные собой – выдержали-таки и не ушли до окончания службы.

Еще раз или два ходили они в тот храм просить перед иконами о помощи в получении жилья. А когда произошло чудо, то оно настолько ошеломило и закружило своей сказочной

радостью, что Вика совсем забыла и о походах в храм, и о своих просьбах перед иконами, да и вовсе не подумала тогда связать эти события вместе...

Случилось чудо, как ему и полагается, совершенно неожиданно. Как-то вечером раздался звонок в дверь, и на пороге появилась Наталья – запыхавшаяся, с ярко-розовыми от волнения щеками и горячечным блеском в глазах.

– Вика! – воскликнула она громким шепотом, – мне сегодня дали ордер на двухкомнатную квартиру! Я уже съездила и посмотрела! Новый дом, в новом районе, и метро не очень далеко. Мы со Светланкой, конечно же, согласились, завтра пойду оформлять. Не хотелось бы тебя напрасно волновать, но не могу сдержаться – есть слухи, что пришел также ордер и на однокомнатную квартиру, и вроде он для тебя... Дай-то Бог, дай-то Бог! Это просто какое-то невероятное счастье, я до сих пор не могу опомниться!

Ночью Вике снилось, как медленно и торжественно открывается высокая двухстворчатая дверь и она входит в залитый невиданным золотисто-белым светом командирский кабинет, а там за массивным письменным столом сидит Андрюшка, ее друг детства, погибший в автокатастрофе. Он приподнимается и, протягивая ей лист бумаги, говорит: «Вот, пришла твоя квартира...» Вика, смеясь от такого приятного известия и от радости, что видит Андрюшу, живого и невредимого, все же недоверчиво качает головой: «Не может быть, не может быть...»

Утром Вику вызвали к командиру части.

– Есть смотровой ордер на однокомнатную квартиру, – сказал командир, приподнимаясь из-за стола и протягивая ей маленький клочок бумаги. – Поезжайте, посмотрите, и, если понравится, приступим к оформлению.

В проеме высокого сводчатого окна за спиной командира ослепительно сияло солнце, заливая своим светом весь кабинет...

После получения этих двух квартир очередь в части окончательно остановилась – на целых десять лет. А когда по прошествии смутного времени военнослужащих стали снова понемногу обеспечивать жильем, то квартиры, как правило, давали уже не в Москве, а в ближнем Подмосковье.

* * *

Прошло пятнадцать лет. Жизненная трагедия – смерть родного человека – привела Викторию в храм, и она теперь заново открывала для себя Москву – святую, радостную, нездешнюю, до краев наполненную не имевшими никакой земной цены сокровищами...

Попалась ей однажды в руки книжечка о крестовоздвиженских храмах столицы. Один из них располагался в Алтуфьево. Она с любопытством прочитала, что находится храм в старинной усадьбе, принадлежавшей в свое время разным именитым людям, в том числе московскому дворянскому роду Олтуфьевых, а также крупному нефтепромышленнику и благотворителю Г.М. Лианозову. Что каменная церковь, выстроенная в усадьбе, упоминается уже в середине XVII века. Что храм практически никогда не закрывался, за исключением небольшого перерыва в 1941 году.

Виктория, конечно, и раньше кое-что знала об этом храме. Знала, например, что там начинал свое служение известный московский батюшка отец Дмитрий Смирнов и что слушать его проповеди туда ездила в те годы вся православная Москва... Как он сам говорил, служение в этом храме для него самого началось с самых настоящих чудес. Советская власть, желавшая, чтобы священник поменьше находился в храме, уезжая пораньше домой, определила его в самый дальний приход, и это оказался приход Крестовоздвиженского храма в Алтуфьево, где в свое время служил его прадед, новомученик и исповедник, отец Василий Смирнов... Кажется, молодой новоначиненный батюшка и сам узнал об этом удивительном «совпадении» уже после назначения, от своей родственницы. «Люди со всей Москвы ездят туда молиться и просить

о помощи... И Бог помогает!» – всплыли вдруг в памяти знакомые слова. Да ведь это же... это же Наташа говорила! Об этом храме говорила, ведь мы именно туда ходили молиться и просить о квартирах! Просили – и сразу же получили... Это же было настоящее чудо, великая милость Божия... Как же я тогда этого не поняла?

Словно вспышка сверкнула и все осветила – пазл сложился. Бросив все, Виктория понеслась в Алтуфьево. Несколько остановок на метро, затем быстрым шагом вдоль улицы, и вот уже видны колокольня, купол, красно-белые стены построек, симметрично опрокинутые в недвижную воду обширного пруда. Арка ворот, крыльцо, а сразу при входе в храм – скромный уголок налево... Так же стоят два подсвечника, правда, свечей сейчас поменьше, чем в ту Рождественскую ночь, тогда тут полыхал целый костер. А за подсвечниками на стене – три большие иконы в нарядном общем золотом киоте. Мученик Трифон с соколом на плече, Архистратиг Михаил и икона Божией Матери «Нечаянная Радость»...

Виктория стояла перед иконами, и соленые струйки сбегали по ее щекам на воротник.

– Вы плачете? Что-нибудь случилось у вас, горе? – продребезжал рядом тоненький старческий голос.

Она оглянулась. Маленькая худенькая старушка снимала догоравшие свечи. На голове – «не канонически», чуть ли не в виде чалмы – замысловато накручен белый, в мелкий горошек шарфик со свисающей на плечо бахромой.

– Нет, у меня не горе, у меня радость... – выдохнула Виктория.

– А, ну понятно! Здесь постоянно плачут. Сначала от горя, а потом от радости. Я двадцать лет это наблюдаю. Стоят, слезно молятся – мученику Трифону о помощи во всяких житейских делах, Архистратигу Михаилу – как главному защитнику дома, ну а икона Матери Божией «Нечаянная Радость» сама за себя говорит, Ей обо всем молятся. А потом снова приходят и плачут от радости! Такие уж это иконы – Господь особо отличил их по Своей непостижимой воле... Дивны дела Твои, Господи!

Старушка, почти не отрывая ног от пола, прошуршала со своей жестянкой в правый придел.

– Дивны, дивны дела, Твои, Господи... – эхом отозвалась ей вслед Виктория, не отрывая взгляда от икон. – Но как же мне теперь, так запоздало, благодарить за ту великую милость? Чем я могу хоть немного послужить Тебе, ведь нет у меня ни материальных средств, ни особых дарований... Впрочем, кажется, грешу я, так говоря. Ведь есть у меня дар рукоделия, который буквально спасал, помогая выживать в особо тяжелые времена... Позволь же, Господи, этим Твоим даром послужить теперь и Тебе! Вот, кстати, узнала я накануне, что в Сретенском монастыре, куда хожу на службы, есть женская золотошвейная мастерская, и туда приглашают всех желающих вышивать для храма, во славу Божию. Так если возьмут, то это будет для меня двойная радость...

Так размышляла Вика, стоя у икон, и всё невольно уплывала мыслями в ту далекую морозно-хвойную, пылающую огнями Рождественскую ночь, снова ощущая себя прежней несмышленной Викой, пришедшей просить и сразу же получившей просимое, даже невзирая на то, что тогда Богу от нее благодарности ждать совсем не приходилось.

...Ибо Он благ и к неблагодарным и злым... (Лк. 6, 35)

«Никогда не поверю в такую фантазию!»

Год 2020-й принес нам лавину непонятных событий, следствием или причиной которых, – есть все основания полагать, что выяснится это еще нескоро – явилась мировая эпидемия загадочного гриппа, для пожилых людей особо опасная. Она забрала от нас самых лучших, любимейших, истинно народных русских бабушек, которых знал, наверное, весь православный мир. Одним из них был архимандрит Амвросий (Юрасов).

Отмерено ему было в этой жизни чуть больше 80 лет – библейское время для приготовления души человека к вечности, и время это бабушка использовал максимально, без остатка отдав его Богу и людям. Как говорил сам отец Амвросий, не помнил он в своей жизни такого времени, когда не верил бы в Бога, потому что его родители были людьми верующими и детей своих воспитывали в вере с самого младенчества.

Село, в котором он родился, имело теплое название Огни, но уже с малых лет пришлось ему познать холод, голод и утраты. Отец погиб в первые месяцы войны, и было время, как рассказывал сам бабушка, когда семье с маленькими детьми пришлось зимовать в землянке. Они питались едва ли не одними картофельными очистками, и даже им были рады.

Постриг бабушка принял в Троице-Сергиевой лавре, когда ему не было еще 28 лет, а умер в 81 год, архимандритом. По благословию своего духовника жил в Почаеве, а когда коммунисты стали угрожать закрытием лавры, также по благословию ушел на время в Кавказские горы, к тамошним монахам.

Жил и в других местах, а в начале 1980-х получил приход в Ивановской области, в маленьком селе, тоже носившем уютное название Жарки. Там проживали летом верующие москвичи, там же зародился и «Радонеж». Бабушка благословил это историческое начинание и до конца жизни оставался радонежским духовником. На «Радонеже» у него шли почти еженедельные прямые эфиры, во время которых он терпеливо отвечал на вопросы слушателей и часто, в качестве примеров, рассказывал удивительные истории из своей жизни и духовнической практики. Вот одна из таких историй.

Приезжая в Москву, бабушка останавливался на квартире у своих духовных чад. Однажды он находился дома один, и ему понадобилось куда-то позвонить. Телефоны тогда были только домашние, стационарные. Бабушка поднял трубку, поднес ее к уху и намеревался уже набрать номер, как вдруг услышал... разговор двух неизвестных абонентов. Довольно редко, но такое случалось – по причинам сбоя на телефонной станции можно было подсоединиться к разговаривающим по своей линии абонентам. Он хотел уже положить трубку, но неожиданно услышал в довольно эмоциональном разговоре свое имя.

Отец Амвросий заинтересовался и стал слушать.

Двое мужчин говорили о недавно вышедшей его книге, причем один из них горячо доказывал, что некий случай, в ней описанный, совершенно не может иметь места, потому что такого просто не могло произойти в принципе.

– Никогда не поверю в такую фантазию! – экспрессивно настаивал он. – Этого просто не может быть, потому что не может быть никогда!

Его собеседник пытался приводить какие-то аргументы в защиту описываемого события, но успеха не достигал.

– Это все чистой воды выдумки, а ты, наивный, веришь! Никто и никогда не убедит меня в обратном! – горячился его оппонент. – Я не ребенок, чтобы верить в подобные совпадения. Они, конечно, бывают, но совсем не такие надуманные, как в этой книге. К тому же нам предлагают поверить, что в результате этих совпадений некий отъявленный безбожник оказывается прямо на пороге храма! Да это совершенно неприкрытая агитация, шитая белыми нитками. Советую тебе перестать увлекаться подобными сказками, это тебя до добра не доведет!

И так далее в том же духе. И тогда отец Амвросий решил, что пришел его черед вступить в беседу:

– Я прошу прощения, – сказал он, – но все, что написано в этой книге, является правдой, выдумок там никаких нет.

На линии слегка опешили, и на мгновение воцарилась тишина.

– А вы кто такой?! И каким образом вклинились в наш разговор?! – придя в себя, накинулся азартный собеседник на батюшку.

– Я хотел позвонить по делу, поднял трубку и услышал вашу беседу. Простите, но, видимо, Богу было угодно, чтобы я смог лично засвидетельствовать вам истину. Я готов подробно объяснить все, что касается обсуждаемой вами истории.

– Ну, допустим, вы случайно оказались на нашей линии, случайно читали ту книгу, о которой мы говорим, но утверждать, что обсуждаемое нами не выдумка, вы не можете. Это может знать только автор книги!

– Но я и есть автор, каким бы странным ни показалось вам это заявление, – сказал отец Амвросий. – И, признаюсь, не меньше вас удивлен данным стечением обстоятельств, но, как известно верующим людям, «случайных» совпадений, даже самых мелких, не бывает...

– Ну это уже совсем ни на что не похоже! Вы – авантюрист! – с новой силой закипел горячий спорщик, и даже его собеседник выразил некоторое недовольство. – За кого вы нас принимаете? Чтобы к телефонной линии, на которой два абонента обсуждают конкретную книгу, случайно подключился – что уже само по себе редчайший случай – сам автор книги?! Вы что, издеваетесь над нами?

– Я понимаю ваше недоумение и возмущение, – отвечал им батюшка, – но тем не менее это действительно так. Мы можем сейчас поговорить об этой книге, и я готов не только приложить все силы, чтобы разрешить ваши недоумения по поводу обсуждаемого, но и засвидетельствовать свое авторство всеми доступными мне в этой ситуации способами.

Они проговорили больше часа, и под конец разговора собеседники отца Амвросия не только переменили свое возмущение на неподдельный интерес и благодарность, но даже изъявили желание встретиться с ним лично.

Что и было осуществлено, и принесло вскоре свои весьма положительные плоды.

– Как сказал святитель Филарет (Дроздов): «Кто верит в случай, тот не верит в Бога». Есть еще другое известное выражение: «Случай – второе имя Бога». И мой личный жизненный опыт дает мне достаточно веские основания, чтобы полностью согласиться с этими утверждениями, – такими словами заключил отец Амвросий свой необычный рассказ.

Долги наши

Вера Андреевна¹ работает в одном из храмов Сретенского монастыря – ухаживает во время службы за подсвечниками, а вечером вместе с другими женщинами убирает храм. Ее жизненная история без преувеличения поразительна. Был у нее успешный бизнес, деньги, полный достаток – и она в одночасье всего этого лишилась, пройдя при этом целый ряд тяжелейших испытаний. Но вышла из той, поистине драматичной, ситуации уже совсем другим человеком. И однажды Вера Андреевна сама рассказала об этом, желая, по ее словам, предостеречь других людей от таких же ошибок. А попавших в подобную ситуацию укрепить надеждой на великую милость Божию...

– История моя заканчивается радостно! – так начала она свое повествование. – Хотя начало ее было очень тяжелым и вспоминать об этом до сих пор нелегко... Священник, который принимал мои первые исповеди – иеромонах И. из Предтеченского монастыря в Астрахани, – говорил мне:

– Вы, конечно, стараетесь исповедоваться, каяться, но большей частью только рассказываете о своих скорбных обстоятельствах, плачете да жалуется на несправедливость. А для пользы вашей души нужно совсем другое – вы должны найти в себе силы простить того человека и поблагодарить Бога за все, что с вами случилось.

Помню, я отошла от него в полном изумлении, стою и думаю: «Как? За все это я должна поблагодарить, сказать спасибо? За что? За то, что я потеряла бизнес, деньги, две квартиры, осталась в долгах как в шелках? За то, что мы с мужем на шестом десятке оказались без своего угла, на съемной квартире? После всей той благополучной жизни! И за все это я должна благодарить?!»

Но батюшка сказал мне тогда:

– Придет время, когда вы осознаете пользу всего этого и чистосердечно скажете Богу: «Благодарю за все...»

И знаете, это время на самом деле пришло. Я специально ездила в Сочи, куда перевели служить отца И., чтобы сказать ему, что теперь я действительно поблагодарила Бога за все... Но путь к этому был долгим и, как говорится, тернистым. Ведь пришлось многое перелопатить в себе, изменить практически все представления о жизни, большинство из которых было заложено еще в детстве и, следовательно, крепко укоренено.

Росла я в семье небогатой и не вполне благополучной. Родители мой брак свой даже не зарегистрировали. К тому же у них была слишком большая разница в возрасте, 25 лет, что, наверное, тоже не самым лучшим образом сказалось на взаимоотношениях, а в довершение всего они в конце концов разошлись.

Я осталась жить с отцом. Жили трудно, в постоянной нужде. Маму я долго не могла понять и простить, злилась на нее и психовала. Жизнь стала для меня в это время совсем безрадостной, и я, прямо как героиня одного романа, сказала себе: «Я для себя такой жизни в будущем не хочу! Ни за что не буду бедной, обязательно стану богатой! Все возможное и невозможное сделаю для этого!» Всеми силами стала стремиться к этому, и жизнь поначалу складывалась прекрасно – я удачно вышла замуж, муж был любимый и любящий, родились сыновья.

Затем мы переехали с Камчатки в Астрахань, и вот тут начались сложности. Это происходило в те тяжелые 90-е годы, а мне было уже 40 лет, и я никак не могла найти себе работу. Везде брали только молодых длинноногих красавиц и обязательно со знанием английского

¹ Имя изменено.

языка, чаще всего непонятно зачем. Куда бы я ни обращалась, мне везде отвечали: «Для вас вакансий нет».

И пришлось мне взять большие клетчатые сумки и отправиться в Москву за носильными вещами, чтобы торговать на астраханском рынке, – подруга научила.

И у меня сразу стало получаться! Сначала я продавала разную одежду, хотя это и не очень мне нравилось, казалось скучноватым. Хотелось найти свою особую нишу, свою изюминку. И вот однажды, в лютый декабрьский мороз, на самых последних рядах Бирюлевского рынка я наткнулась на афганца, который торговал украшениями. Он сидел среди своих каменьев, как Али-Баба в пещере среди сокровищ, и я просто застыла на месте, так поразила меня эта феерическая картина! Мы разговорились, и он убедил меня продавать наряду с одеждой еще и украшения.

– Представьте себе, – говорит, – висит кофточка и тут же – бусики!

Ну, я воодушевилась, набрала у него этих каменьев, бусиков, привезла в Астрахань – и у меня опять получилось! Так щедро помогал мне Господь – это я теперь уже очень хорошо осознаю.

В общем, пошел этот бизнес. Открыла я один отдел, второй, потом взяла в аренду магазинчик, назвала его «Малахит» – звучало это очень красиво, – я увлеченно всем этим занималась, много о камнях читала, меня уже знали. Потом старший сын тоже занялся торговлей, дело пошло.

Но я слишком рано «завездилась», и меня понесло. Ведь какой соблазн: из грязи да в князи! А тем более – женщина. Когда женщину так внезапно выносит наверх, в свободное плавание, и никто не тормозит – это страшно.

Пошли большие деньги, я бросала их направо и налево, и для себя ничего не жалела, и для окружающих: смотрите, мол, какая я добрая и нескаредная, белая и пушистая!

Вот вы говорите, что это щедрость, великодушие, благородные свойства души, – нет! Это было пошлое расточительство, глупость, гордость! И это едва меня не сгубило, едва не лишило жизни!

Ну а во-вторых, мне не хватило знаний. Надо было учиться вести дела трезво, сдержанно. Ведь деньги требуют большого внимания, как, впрочем, и все в этой жизни.

И вот вроде бы бизнес успешный, деньги приходят, но тут же, как вода сквозь пальцы, и исчезают.

В это самое время подруга знакомит меня с местным банкиром, и я начинаю брать кредиты в банке. Это, знаете ли, тоже страшное дело. Я теперь и близких, а особенно детей своих, очень предостерегаю от этого, но люди почему-то упорно предпочитают учиться на своих собственных ошибках...

И здесь я подхожу к самому тяжелому периоду в моей жизни. В общем, захотелось мне открыть большой магазин. Для того чтобы получить разрешение строить его, нужно было иметь хорошее жилье, собственность.

Я беру в банке крупный кредит и покупаю большую квартиру в центре Астрахани. В это же время обстоятельства сводят меня с одним человеком. Звали его Александр Павлович. Был он адвокатом и, конечно же, хорошим психологом. И он, наверное, сразу же увидел всю мою сущность: апломба много, планов громадье, потенциал есть, но знаний мало и как осилить все эти планы – непонятно.

Не знаю, изначально ли с определенной целью или так уж сложилось, но стал он со мной, так сказать, дружить. Помогал в разных юридических вопросах – завязалось тесное знакомство.

Мужу моему он сразу не понравился.

– Вера, – говорит он мне, – тяжелый это человек, скользкий, нельзя ему доверять, держись от него подальше.

А я:

– Нет – он мне помогает!

А тут уже начались проблемы с банком. Кредитов-то я нахватала, нужно выплачивать, а нечем. Деньги улетают непонятно куда, не умею их беречь, разумно распорядиться. Дети, родные, друзья – подарки, помощь... да и не помощь это была, а человекоугодие, пыль в глаза пустить! Глупо, настолько все глупо!

Ну и тут – Александр Павлович... Один раз дал в долг, другой. Я в первый раз долг отдала, второй завис как-то, потом еще, еще. Сначала он давал запросто, на слово, а потом пришлось уже написать ему расписку на 350 тысяч, и какой-то процент он назначил. Сумма не маленькая для того времени и такого города, как Астрахань.

И вот квартиру-то я купила, а магазин строить не на что. В банке кредит я уже взять не могу и беру в долг еще у одного человека – и его подвела впоследствии... И получается снежный ком.

А Александр Павлович меня успокаивает: да ладно, Вера Андреевна, не переживайте по поводу долга, я подожду, ничего страшного.

Но я уже начинаю понимать: все плохо у меня, надо из всего этого как-то выбираться. Мне уже и люди подсказывают: «Вера, остановись, объяви себя банкротом», муж настаивает: «Завязывай с этим делом, продай ту квартиру, верни деньги в банк, сделай себе маленький отдел и живи спокойно».

– Нет, хочу магазин! – понимаете??

И зреет у меня мысль. Решила я предложить Александру Павловичу вместе построить магазин и вместе вести тот бизнес.

Он соглашается... Видел, наверное, мой потенциал и понимал, что я могу работать, если мною умело руководить. Я продаю ему половину той квартиры, он дает мне деньги, но я поступаю с ними, как мне кажется, очень хитро – отдаю в банк только часть долга, а остальные кладу на счет, в надежде, что сейчас их «прокручу» и у меня появятся достаточные свободные средства. И опять то же самое – деньги уходят непонятно куда.

Но тут Александр Павлович уже берет меня за горло: надо строить магазин! Прямо железной хваткой в меня вцепился. Ну, он правильно вцепился – он человек дела! Как я потом узнала, «дела»-то он вел очень разные – и бандитам помогал, и закон нарушал ...

И вот он – ко мне, а я испугалась! Я его испугалась!

Как я теперь понимаю, это уже был Промысл Божий. Я решаюсь и сообщаю мужу:

– Продам Александру Павловичу и вторую половину квартиры, верну деньги в банк, отдам долги и все, на этом остановлюсь!

Александр Павлович соглашается выкупить квартиру, но говорит, что всю сумму он сейчас не может мне дать, а лишь часть, остальные же сразу после оформления документов на покупку.

Он дает мне часть суммы, из которой я возвращаю ему старый долг, 350 тысяч с процентами. А расписку, которую давала ему тогда, не требую назад... Причем расписка эта, как выяснилось потом, почему-то оказалась без даты, то есть являлась по сути бессрочной...

При подготовке документов риелторы дважды уточняют, сполна ли продавцы получили деньги от покупателя, и мы с мужем дважды подтверждаем, как условились с Александром Павловичем, что все получили...

Но накануне того дня, когда нужно было ехать за документами, Александр Павлович вдруг перестает выходить на связь, дозвониться ему я не могу. Меня начинает колотить. В назначенный день я еду в Регистрационную палату одна, и там мне сообщают, что он приехал рано, к открытию, и забрал все свои документы на квартиру...

Я, конечно, в полувменяемом состоянии, мужу боюсь об этом сказать, вообще никому не могу об этом сказать. На мои звонки Александр Павлович не отвечает, тогда я звоню с

чужого номера, но, услышав мой голос, он тут же отключается. Я опять звоню с нового номера, и каким-то образом мне удастся упросить его выслушать меня.

Я плачу, умоляю дать мне хотя бы тысяч тридцать, чтобы внести в банк, объясняю ему, что банкир уже лично предупредил меня, что дела мои очень плохи. А торговля на фоне этих стрессов упала, последний продавец уходит, и, видимо, нам с мужем придется даже продавать квартиру, в которой живем, чтобы рассчитаться со всеми долгами...

Александр Павлович:

– Да? Все настолько серьезно? Ну хорошо, я принесу вам деньги завтра в универмаг, ждите...

И я, как дура, жду его весь день, до закрытия универмага – он, конечно, не приходит.

Я еще звонила ему с телефона подруги, но, услышав мой голос, он спокойно произнес:

– Простите, я вас не понял... – И положил трубку. И тут я осознаю, что это всё.

Можно было подать в суд. Но я так растерялась, что совсем перестала соображать, и потом, мы с мужем ведь добровольно подписали все документы, а когда договаривались с Александром Павловичем о способе оплаты, никаких свидетелей не было. В общем, я понимаю, что выхода нет. И у меня появляется мысль, что если меня не станет, то все проблемы решатся... Эта мысль очень назойлива, она постоянно меня преследует, и я уже боюсь одна оставаться дома.

* * *

Однажды, никому ничего не сказав, я ушла из дома на двое суток – такой эгоизм! Мне плохо, так пусть и всем вам будет плохо! Была где-то на вокзале, потом по Волге на прогулочном катере каталась. Гляжу на волны и размышляю, как бы мне можно было поудобнее утопиться, ведь плаваю-то я хорошо... Разве что груз на шею привесить?

Меня все искали, нашли, привезли домой... Тут я им и открылась. Сели мы за стол все обсудить, муж и говорит:

– Ну что же, будем продавать квартиру и возвращать все долги.

Такой муж у меня был! Честный, порядочный, да и боялся за меня, конечно же. И до конца жизни ни единым словом меня не попрекнул!

Успокаивают меня все, а мое сердце от боли разрывается, страшные мысли не отпускают, замечаю я, что, только лишь остаюсь в квартире одна, сразу начинаю искать веревку...

В одну из таких безумных минут мой лихорадочный взгляд упал вдруг на подаренную кем-то давно маленькую иконку Божией Матери «Услышательница» из монастыря Зограф на Афоне, и тут же появляется ясная мысль: нужно срочно выйти из дома, сейчас же, немедленно!

Ноги не идут, руки не слушаются, но каким-то образом собралась, вышла из дома, села в маршрутку, еду куда-то, а в голове мысль: что-то мне нужно, что-то я ищу! Проезжаем парк Большие Сады, я поворачиваю голову туда-сюда и вдруг замечаю вдали купола...

Это был монастырь Святого Иоанна Предтечи. Я немного знала о нем, так как моя сестра в трудный период своей жизни стала ходить туда, а я еще настолько иронически к этому отнеслась, чуть ли не посмеялась тогда над ней...

Пулей выскочила я из маршрутки и побежала к монастырю, а в голове и сердце стучит: «Господи, Матерь Божия! Господи, Матерь Божия! Мне батюшка, батюшка срочно нужен!»

И тут неожиданно обгоняет меня машина «Волга», и выходит из нее священник. Но пока я повязывала голову косынкой, он скрылся в дверях храма. Я за ним, а он уже в алтаре, и никто не может мне его оттуда позвать, как я ни упрашиваю.

– Мы не имеем права входить в алтарь, – говорят мне женщины, убирающие храм, – приходите вечером на службу, а после нее на исповеди и поговорите с батюшкой.

Но когда я уже направлялась к двери, он вышел из алтаря... В притворе этого храма и состоялась моя первая, невероятно сумбурная и сбивчивая «исповедь», и последовало приглашение батюшки прийти вечером для более обстоятельной беседы.

Потом я взяла свечу, пошла к чудотворной иконе Божией Матери «Иверская», долго лежала перед ней на каменном полу, плакала навзрыд и была очень благодарна людям, которые находились в храме, за то, что никто из них не подходил ко мне, не утешал и ни о чем не расспрашивал...

Так началось мое вхождение в Церковь. Приблизился Великий пост. В Прощеное воскресенье я стояла на службе, ничего еще не понимая, смотрела на это величественное действие взаимного испрашивания друг у друга – включая священников и монахов – прощения, многими на коленях, была поражена всем происходящим и не могла все увиденное объять, вместить.

Вспомнилась сестра, с которой мы были в размолвке, во взаимных обидах.

«Вот бы она была здесь – я бы встала перед ней на колени и попросила прощения!» – подумала я и, случайно повернувшись, увидела, что моя сестра стоит позади меня...

Мы упали друг перед другом на колени, взаимно просили прощения и плакали, обнявшись...

Стала я ходить на великопостные службы, исповедоваться, и вот тут батюшка мне сказал: – Вам нужно простить своего обидчика...

Поначалу и думать об этом было мучительно. Начала я читать духовную литературу, посещала даже психолога и понемногу стала успокаиваться, приходиться в себя.

Снится мне однажды сон. Как будто иду я прямо по небу, по серо-голубым пушистым облакам ступаю. А в душе у меня ужас и смятение. Понимаю я, что заблудилась, и ничего не помню о себе: кто я, где я и куда мне дальше идти.

Внезапно облака словно расступаются, и вижу я, что впереди, спиной ко мне, сидит Женщина, одетая в коричневое. Я очень боюсь к Ней подойти, но все же приближаюсь и говорю робко: «Вы знаете, я потерялась... не знаю, где живу, как меня зовут, и что мне дальше делать, не понимаю...»

И слышу тихий ласковый голос: «Не переживай, ты все вспомнишь и все найдешь...»

И проснулась.

* * *

Продали мы с мужем и вторую квартиру, часть денег в банк отдали, немного людям долги вернули. Сняли жилье.

Батюшка мне потом говорил:

– Посмотрите, какой муж у вас прекрасный – другие в таких случаях ссорятся на всю жизнь, разводятся, а ваш не попрекнул ни единым словом, но наоборот – утешил, поддержал и даже предложил последнее продать, чтобы поступить по совести...

И это правда, муж мой был удивительный человек...

Да и вся моя семья в это время оказалась рядом со мной, каждый со своими трудностями, а Господь начал всех нас потихоньку выправлять.

У младшего сына тоже были проблемы. Он тайне от нас забросил институт, проводил время в сомнительных компаниях, за сомнительными удовольствиями. И вдруг он говорит мне:

– Мама, я понял, что неправильно живу, запутался, – решил я в армию пойти, отслужить положенное.

А старший в это же самое время расстался с женой и пришел к нам на съемную квартиру в чем был, буквально в шортах. Ну что делать, поставили мы ему диван в прихожей.

Уйдет муж на работу, а мы с сыном дома, и он мне все свое горе выговаривает-рассказывает. А я уже в храм ходила регулярно, читала много. Сидим с сыном, разговариваем, а на столе православный календарь лежит, толстый такой, тематический. И я время от времени зачитываю ему что-нибудь подходящее, по теме нашей беседы.

– Мама, а что ты читаешь? – сын спрашивает. – Дай и мне, я тоже хочу это почитать.

А потом, немного погодя, и говорит:

– Мама, я хочу исповедоваться.

После третьей исповеди вышли мы с ним из храма, он остановился и говорит:

– Мама, я больше не буду ни пить, ни курить.

И с того дня бросил. А потом еще и друга своего на исповедь привел!

Муж посоветовал ему уезжать из Астрахани, в другом месте обустраиваться, искать работу:

– Здесь ты мучаешься, мятешься, но ничего здесь ты уже не построишь, а как бы чего хуже еще не вышло.

Сын решил ехать в Москву. Напутствуя его, я сказала:

– Главное, сынок, сразу же прикрепись к храму!

* * *

...Прошло несколько лет. Муж мой умер, Царствие ему Небесное, и мы с младшим сыном тоже перебрались в Москву. Сняли жилье, работаем оба в Сретенском монастыре. Выплачиваю понемногу долги банку, людям, а это все такие суммы – до конца жизни хватит!

Как-то перед Великим постом, будучи в Астрахани, забрала накопившуюся почту, извещения всякие, чтобы просмотреть все это на досуге. В Москве стала разбирать, открываю один конверт и... чувствую, что земля начинает уходить у меня из-под ног!

Это было извещение из суда. Александр Павлович взял ту расписку на 350 тысяч рублей (которые я ему уже вернула со всеми процентами, но расписку так и не смогла забрать) и подал ее в суд, насчитав при этом еще и проценты за эти годы, 800 тысяч! Вместе – больше миллиона!

Не помня себя, побежала я в крипту Владимирского храма, к образу Плащаницы, упала – пла#чу, пла#чу, пла#чу... и неожиданно для себя начинаю потихонечку успокаиваться...

В субботу пошла на исповедь к отцу С., рассказываю ему все, опять плачу, совета, поддержки прошу.

А он мне говорит:

– Этот человек такие угли собрал себе на голову, что просто страшно. И не только за него, но и за всех его родных. А вам одно скажу: терпите, смиритесь и молитесь за него.

Стала я молиться: «Господи, ненавидящих и обидящих нас прости», а груз этот такой тяжелый, такой невыносимый, все прошлое навалилось опять на меня со страшной силой!

Прихожу к отцу С.:

– Батюшка, не могу о нем молиться, сил нет.

– Понимаю, тяжело, а вы все равно молитесь, и Господь все управит, – он мне отвечает.

И вот в один из дней Великого поста спускаюсь в очередной раз в крипту к Плащанице и начинаю вдруг плакать там... от жалости к Александру Павловичу... Мне его стало жалко!

«Ведь он не понимает, – думаю, – что сотворил себе, своей жене и детям! Так неужели же я из-за каких-то денег пожелаю ему такой страшной участи?»

И вот тут, в крипте, стоя на коленях, я почувствовала, что нет уже у меня на него никакого зла, никакой обиды – я его простила.

Господь меня укрепил!

А с Александром Павловичем мы даже встретились однажды в Астрахани, в одной конторе. Я с ним поздоровалась! Он тоже мне кивнул, но быстро ушел.

И вот когда я осознала, что в ту минуту ничто не екнуло у меня в сердце, не отозвалось прежней обидой и ненавистью, я тут же зашла в храм и снова поблагодарила Господа за все.

До сих пор поминаю иногда Александра Павловича о здравии, в записках в храме пишу. Вспомню иногда, ну и напишу в записочку. Когда узнала, что ему сделали операцию на сердце, сорокоуст о здравии подала.

Магазин тот он все-таки построил и вел бизнес. Но вскоре перенес тяжелейшую операцию, а вдобавок лишился адвокатской практики. Кто-то записал на диктофон компрометирующий разговор – как оказалось, он многих людей подставлял, обманывал, помогал преступникам...

Ну а я продолжала выплачивать все эти деньги, как вдруг выходит закон о банкротстве физических лиц, и выясняется, что я могу этим законом воспользоваться! И тут Господь помог мне, все управил! Теперь я уже ни банку, ни Александру Павловичу ничего не должна. И такая для меня радостная жизнь настала! Ничто меня не связывает, не угнетает, все у меня есть и всем я довольна! В свои 65 лет я, словно в юности, чувствую такую полноту жизни, наслаждаюсь каждым новым днем!

Ну да, живем с сыном на съемной квартире, платим дорого, так что же? Сын тоже в монастыре на очень скромной должности работает. Знакомые, правда, предлагали устроить на более «солидную» и более оплачиваемую работу, но он не хочет из монастыря уходить. И я его понимаю. Сама каждый день просыпаюсь и засыпаю со словами: «Господи, благодарю за все! И прости!» Какие это удивительные слова! При каждой возможности стараюсь спуститься в крипту, чтобы снова и снова сказать: «Господи, как мне за все это благодарить Тебя! Ты дал мне такого мужа, сыновей, такую удивительную жизнь! Ты ничего меня не лишил! Ты взял у меня что-то незначительное, а дал мне так много, такое необъятное счастье! И так незаслуженно!»

Ведь я со временем поняла, что сама была во всем виновата. Виновата и перед Александром Павловичем! Он ведь меня не заставлял, не принуждал. Я сама себе все это устроила, пыталась добиться своего всеми правдами и неправдами, хитрила, юлила.

Я потом поняла даже, что я украла! Украла! А как это иначе называется, если ты берешь такие суммы, не зная, сможешь ли отдать? Лицемерие, хитрость, человекоугодие – лишь бы получить! Все эти мои действия – это была жадность, это была гордыня! Хочется из грязи да сразу в князи!

А Господь потом, жалея тебя и спасая, ткнет в землю носом, – и вот тогда сколько нужно сил, чтобы подняться! Но имей решимость, а силы Бог даст. И сколько бы раз ни падал, каждый раз вставай и иди дальше. В Древнем Патерике повествуется об ученике, который говорил своему авве: «Отче, я упал». «Поднимись», – сказал авва. «Но я снова упал, отче». – «И снова поднимись». – «Но сколько же это будет повторяться?» – «Пока жить будешь, но, падая, каждый раз поднимайся, и Господь не оставит тебя...» – отвечал авва...

Наталья Ячеистова

Кувалда и молитва

Однажды один мой московский знакомый, Петр, оказался в Пекине и заехал ко мне в офис. К тому времени я работала в Китае уже несколько лет директором международного проекта, цель которого состояла в интеграции стран Северо-Восточной Азии, весьма разнородных и не слишком доверяющих друг другу. Коллектив вверенной мне организации состоял из небольшого числа представителей этих стран и являл собою как бы весь регион в миниатюре.

Сидя с Петром в моем кабинете за низким стеклянным столиком, мы пили жасминовый чай, столь отрадный в июльскую жару, и обсуждали накопившиеся новости. Общение наше, однако, постоянно прерывалось назойливыми посетителями. Дверь то и дело приоткрывалась, в нее просовывалась очередная узкоглазая физиономия, а потом, извиняясь, бочком входил и сам сотрудник – с какой-либо срочной бумагой, вопросом или сообщением. Я старалась побыстрее выслушать их, ответить и спроводить. На какое-то время они оставляли нас в покое, но потом появлялись снова, и все повторялось сначала.

– Терпение, однако, тут надо иметь изрядное! – крикнув, заметил наконец Петр и покачал головой. – Даже не представляю, как бы я справлялся с такой командой! Да еще и объясняться по-английски! И как ты только запоминаешь все эти тарабарские имена: Джин-донг, Танг-хе, Шур-Шу?

– Джу-Шу, – поправила я и пояснила: – Все приходит со временем. И с Божьей помощью, конечно.

Ведь поначалу, когда я только приступала к этой работе, все было иначе, и я хорошо это помнила.

От предыдущего директора, монгола, уехавшего за год до моего назначения, никаких инструкций по передаче дел не осталось. Мне приходилось доходить до всего своим умом, вернее даже сказать – интуицией, каким-то непостижимым образом впитывая, будто из воздуха, понимание задач и общей ситуации. В то время у меня было всего пять сотрудников – двое китайцев, двое корейцев и монгол. Добиться от них вразумительных объяснений по существу дела я не могла: ответы на все мои вопросы давались самые что ни на есть обтекаемые и противоречивые. Казалось, они испытывали меня, исподтишка наблюдая за мной: «Ну-ка, посмотрим, как этот новый директор тут справится!». Помогать мне осваивать новое поприще они явно не собирались.

Но, пожалуй, больше всего меня удручало отсутствие в моем коллективе хоть каких-то признаков трудового энтузиазма. Работали все не спеша, «от и до» – как это, впрочем, и принято на Востоке. А я-то приехала из Москвы – совсем на другой скорости! И была полна новых планов и идей. Разделять их, однако, было не с кем.

Старшая по должности сотрудница, кореянка Дай-Су, отличалась невероятным спокойствием. Она имела обыкновение подолгу наблюдать в окно за происходящими во дворе событиями, попивая чай и ведя неспешные телефонные разговоры. Дай-Су слыла в местном обществе большой модницей, любила прихорашиваться перед зеркалом и всегда носила с собой, в зависимости от погоды, либо веер с шелковыми кисточками, либо зонтик с золотым набалдашником. Интерес к работе она не испытывала, и результат ее деятельности был практически неразличим, хотя назвать ее бестолковой было никак нельзя. Она напоминала мне ленивую кошку, дремлющую на солнце и одновременно зорко следящую за всем происходящим вокруг сквозь узкие щелки закрытых глаз.

Другая сотрудница, Мин Лу, китайка, была еще более расслабленной – видимо, от того, что находилась в своей родной стихии. Ничто не могло поколебать ее царственного величия и нарушить устоявшегося ритма жизни. Какие бы срочные задачи перед нами ни возникали, ровно в шесть часов вечера дверь захлопывалась за ней. Мин Лу делала только то, что ей было предписано инструкциями, и даже если вся логика какой-нибудь возникшей ситуации взывала к ее дальнейшим действиям, она их никогда не предпринимала. Глядя на ее гладкое, лишенное каких-либо эмоций лицо, я вскоре поняла смысл выражения «китайская кукла», слышанное мною в детстве.

Трое других сотрудников тоже не отличались усердием, к тому же плохо говорили по-английски – так что порой мне приходилось повторять одно и то же по нескольку раз, прежде чем они понимали, что от них требуется. Бывало, спросишь: «Ван Донг, ты подготовил материалы к встрече?» А он ответит: «Встреча будет в четыре». Или скажешь: «Ким, закончи поскорее свою справку». – «Конечно!» – с готовностью откликнется он – и опять погрузится в нирвану...

Ко всему прочему, люди Востока любят днем поспать. И как я ни пыталась ограничить обеденный перерыв установленным временем, за ним неизбежно следовал «мертвый час». Как-то раз, зайдя среди бела дня в соседнюю комнату, я застала своих сотрудников мирно посапывающими прямо за своими рабочими столами...

Таков был в то время вверенный мне коллектив, и, как вы уже, наверное, догадались, работать с ним мне было непросто. С другой стороны, мой азиатский босс отличался завышенными амбициями и связывал с нашим проектом какие-то свои далеко идущие планы. Его не интересовали детали рабочего процесса, но ожидаемый результат всегда требовался точно в срок.

И вот однажды мы получили от него одно важное и срочное задание. Собрав своих подчиненных, я обрисовала им ситуацию, тщательно разяснив каждому его задачу и алгоритм ее выполнения, сама же занялась подготовкой сводного материала.

В конце следующего дня я снова созвала своих сотрудников для обсуждения промежуточных результатов, однако уже после первых моих вопросов стало ясно, что никаких результатов еще нет и в помине: все это время мои подопечные обдумывали поставленные задачи и прикидывали, с чего начать. Когда я это поняла, кровь ударила мне в голову; я подумала, что вот так, должно быть, люди теряют выдержку или случаются сердечные приступы. Драгоценное время было упущено, и теперь только я сама могла спасти ситуацию путем невероятных усилий. Меня охватила ярость на моих сотрудников, и, будь у меня в то время под рукой тяжелая кувалда, она, вероятно, прошла бы по их головам.

При этом надо заметить, что восточные люди очень чувствительны к критике и собственному имиджу, и не то что кувалду – простое замечание переносят с трудом: нет для них ничего страшнее, чем «потерять лицо». Поэтому, чтобы не спровоцировать хакари, с ними надо обращаться предельно вежливо и деликатно. Опасаясь в тот момент, что это будет мне не под силу, я взяла свой мобильник и вышла на балкон, сделав вид, что кому-то звоню. Глядя в тусклое небо, распростертое над бескрайними рифами многоэтажек, я в отчаянии воскликнула: «Господи! Ну как мне тут работать? Ну что мне делать?!» Со стороны можно было, наверное, подумать, что я разговариваю по телефону с Господом.

Потом, немного успокоившись, я произнесла вслух то, что как бы подсказал мне внутренний голос: «А ты терпи». Трудно было с ним не согласиться: что, собственно, оставалось еще делать?

Вернувшись в кабинет, я застала все ту же картину: мои подчиненные тихо сидели рядом и смотрели на меня равнодушными глазами.

– Ну что ж, все свободны, – сказала я. – В этот раз я сделаю все сама: вы свое время упустили. Однако учитеесь все же работать быстрее: ведь мы – в международной организации! Здесь нужна скорость гепарда!

Но время шло, а вместо гепардов меня по-прежнему окружали неповоротливые панды, и практически всю работу мне приходилось выполнять самой. Я уставала, раздражалась, отношения с сотрудниками были натянутыми, и я глубоко переживала это неустройство. Во мне росло убеждение, что я, должно быть, никудышный директор, если не могу наладить общего дела, и, стало быть, надо уезжать.

К счастью, в Пекине, на территории российского посольства, есть православный храм, где проходят церковные службы. И вот в очередной раз, когда представилась возможность побеседовать с батюшкой, я рассказала ему о своих горестях и неприязни, о сотрудниках, с которыми никак не могу найти общего языка – хоть работу меняй.

– Может, привести их сюда, в храм, для вразумления? – спросила я батюшку.

– Нет, сюда не надо, – поспешно ответил он. – Но вы молитесь за них – не в храме, а дома, в домашней молитве.

– Так они же не православные! – удивилась я.

– А вы все равно молитесь – и придет облегчение, – ответил он. – А на работу свою смотрите как на послушание – куда Бог поставил, там и трудитесь.

И вот я начала молиться каждый день за своих подчиненных. Конечно, я не называла их всех по именам, а говорила: «Господи! Помилуй мя, грешную, и моих подчиненных. Дай нам жить в мире, согласии и тишине».

Непривычно было мне поначалу молиться за чужих, несимпатичных мне людей. Однако вскоре я заметила: когда за них помолишься, то уже и не сердишься, и они будто это чувствуют – тоже становятся как-то мягче и дружелюбнее. Поставила я также несколько икон в своем кабинете, а над дверью прикрепила освященную вербочку.

И вскоре после этого ситуация на работе стала меняться к лучшему. Не то чтобы все враз преисполнилось радушия и трудового рвения – нет, но дела стали устраиваться сами

собой каким-то неожиданным, чудесным образом. То возникнут полезные деловые контакты, то вдруг придет очень нужная информация, то заинтересуются нашими проектами инвесторы. В общем, дела пошли в гору – без всяких видимых дополнительных усилий с нашей стороны, и я уже могла не беспокоиться, как раньше, за судьбу нашего проекта. Коллеги стали работать более энергично, а потом, благодаря укрепившемуся финансовому положению, наш офис пополнился еще двумя сотрудниками – в результате у нас образовался довольно большой, слаженный коллектив, работать с которым стало легко и приятно.

Прошло совсем немного времени, а как все изменилось! Вроде бы находишься там же и делаешь то же – но раньше будто баржу тащила, а теперь летаешь как на крыльях. Все интересно, получается, удается, и такие все симпатичные подобралась люди!

Вот какое чудо может сотворить молитва, выводя нас Божьей милостью из самых, казалось бы, безнадежных ситуаций!

Мудрый совет

Со временем работа моя в Пекине, как я говорила, наладилась. Опыт, привычка, а главное – упование на Господа и Его помощь делали невозможное возможным. И не просто возможным, а вполне успешным.

Но как же сложно складывалось все поначалу! Особенно трудным было руководство многонациональным коллективом. Из всех моих подчиненных в наибольшей мере досаждала мне на первых порах кореянка Дай-Су – видимо, потому, что в ней удивительным образом сочетались высокая квалификация и какое-то совершенно необъяснимое упорное сопротивление всем моим указаниям. Прежде, у себя в Южной Корее, она занимала довольно солидную должность в министерстве и хорошо разбиралась в хитросплетениях региональной политики. И тем не менее...

Приходя вовремя на работу, Дай-Су усаживалась за компьютер и просиживала за ним весь день, однако добиться от нее в срок нужной бумаги я никогда не могла. Один черновик сменялся другим, но в каждом очередном варианте находились новые ошибки и несоответствия, так что в результате после бесплодных попыток получить желаемое мне приходилось практически заново переделывать ее бумаги. Проекты писем, которые должны были отправляться за моей подписью, она готовила на таком убогом английском, какого я никогда не замечала в ее речи, эти письма не поддавались корректировке, вызывая у меня отторжение на каждой строчке. Оставалось только бросить их в корзину и начать писать самой.

Медлительная и невосприимчивая во всем, что касалось работы, Дай-Су не жалела сил на поддержание связей со своей альма-матер – ее затяжные телефонные разговоры на тарабарском языке, проникавшие сквозь стены моего кабинета, приводили меня в состояние тихой ярости. Никакой деловой инициативы от нее не исходило, хотя к моменту моего прихода в офис она проработала в нем уже свыше двух лет.

На все мои призывы и разъяснительные беседы Дай-Су отвечала надменным молчанием и даже не считала нужным хоть как-то объяснять свою пассивность. Честно говоря, наше общение и общением-то трудно было назвать. Кореянки часто ведут себя в сложных ситуациях, на наш взгляд, весьма странно, используя вместо обычной речи короткие неуместные смешки, междометия, ужимки, словно уподобляясь глухонемым. Понятно, что вести разговор с таким оппонентом – дело не из приятных. Нам, например, показалось бы странным, если бы подчиненный в ответ на какой-либо вопрос начальника вдруг неожиданно рассмеялся, а потом так же неожиданно замолк – мне же в то время приходилось то и дело сталкиваться с подобной реакцией.

Накопившееся во мне со временем раздражение привело к тому, что я стала придавать значение и каким-то несущественным мелочам, вовсе уже недостойным внимания. Так, например, при входе в наш офис находился шкафчик для верхней одежды, я повесила в нем принесенное из дома мягкое «плечико», удобное для тяжелых зимних вещей. И вот стоило мне с утра задержаться, как мое «плечико» оказывалось неизменно занятым – на нем уже красовалось пальто Дай-Су. Настроение мое моментально падало.

Но один случай окончательно вывел меня из себя.

Как-то мы с Дай-Су собирались ехать на встречу с монгольским послом – нам предстояло познакомиться с ним и обсудить ряд важных вопросов. Я попросила ее заранее посмотреть по карте адрес посольства и подготовиться к встрече. Выехали мы загодя, и поначалу все шло хорошо, однако постепенно меня начало охватывать беспокойство: Дай-Су давала водителю какие-то сбивчивые указания и, судя по его реакции, он совершенно не понимал, куда ехать.

В результате за пять минут до назначенного времени мы оказались, как выяснилось, совсем в другом квартале. Телефона посольства Дай-Су с собой не взяла, и всю дальнейшую

навигацию нам пришлось вести через офис. На встречу мы прибыли с двадцатиминутным опозданием. Посол, надо отдать ему должное, и бровью не повел, но всем хорошо известно, что такое дипломатический этикет.

Несмотря на все наши извинения, принятые с пониманием, я чувствовала себя крайне неловко, и настроение мое было вконец испорчено. Ведь это была наша первая встреча! Дай-Су же при этом не выказывала никаких признаков беспокойства или огорчения, пудрила свой носик, глядя в золотое зеркальце, и кончики ее губ слегка подрагивали в улыбке.

Случившееся настолько глубоко задело меня, что я совершенно утратила душевное равновесие. Придя вечером домой, не могла ни на чем сосредоточиться, снова и снова переживая нелепость нашего опоздания и хладнокровную реакцию Дай-Су. Сердце мое кипело от возмущения, и гнев переполнял меня. И даже когда около полуночи я взялась, как обычно, за чтение, то и тогда не смогла отвлечься от пережитого, то и дело возвращаясь мысленно к событиям прошедшего дня. Даже книга преподобного Амвросия Оптинского не могла меня утешить! Наверное, этот дурацкий инцидент с послом стал последней каплей, переполнившей чашу моего терпения.

«Ну все, – сказала я себе. – Хватит с меня! Довольно церемониться с этой Дай-Су и терпеть ее нахальство! Это же просто издевательство какое-то! Завтра же вызову ее и выскажу ей все, что я о ней думаю!».

И я уже начала было формулировать в уме, что же я о ней думаю, но тут ручка, которую я держала, выскользнула у меня из рук и упала на раскрытую книгу. Я с досадой взглянула на оставленный прочерченный след на странице и вдруг с изумлением увидела, что в книге преподобного Амвросия совершенно явно оказались подчеркнутыми два слова: «не обижай». С замиранием сердца я прочитала всю фразу целиком: «Будь сама справедлива и не обижай никого».

Могла ли я принять это за простую случайность? Нет. Было ясно, что отче Амвросий пытается вразумить меня, давая совет, как поступить.

Я бережно взяла книгу в руки, вглядываясь в лик преподобного: его взгляд, полный доброты и сострадания, не оставлял никаких сомнений. Движение гнева враз остановилось во мне – я словно вынырнула из бурного мутного потока на свет Божий, очнувшись от лихорадки, пришла в себя. Мне стало неловко за мое озлобление: да что это я, в самом деле, так разошлась? Ну опоздали. Ну бывает. Ведь не нарочно же, наверное, она нас не туда завезла! Я вдруг испугалась, представив, в какую страшную сквальгу я могу превратиться, если постоянно буду впадать в подозрительность и раздражение. Нет, этого я уж точно не хотела!

На следующий день, придя на работу, я приложила все усилия к тому, чтобы усмирить свою враждебность к Дай-Су и нормализовать наши отношения. И как же я потом была этому рада, как благодарна преподобному Амвросию за его мудрый совет!

Я вызвала Дай-Су и спокойно объяснила ей, что к деловым встречам надо готовиться тщательно и приходить на них вовремя. Дай-Су кивала в знак согласия головой.

Сложилось так, что в последующие месяцы Дай-Су не давала мне новых поводов для негодования, обстановка в офисе сохранялась спокойной и жизнь текла своим чередом. А ведь бесконфликтное течение жизни значит гораздо больше, чем это может показаться на первый взгляд: ты просыпаешься утром с легким сердцем и день твой проходит спокойно, без огорчений. Недаром же говорится, что худой мир лучше хорошей войны!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.